

Тень Земли

Автор:

Андрей Ливадный

Тень Земли

Андрей Львович Ливадный

Экспансия. История Вселенных #1

Далекое будущее... Агрессивные Омни, возомнившие себя владыками космоса, опираясь на бесчисленные армады созданных ими биороботов скелхов, несли гибель мирным цивилизациям других планет. На испепеленной ядерными ударами Земле выжили лишь немногие. Пришедшие из иной Вселенной тиберианцы сумели покончить с Омни, но уцелевшие скелхи рвались к той же цели, что и их безумные создатели... Молодому тиберианцу Илье Стужину, который служит на борту крейсера «Тень Земли», предстоит принять участие в жесточайшей схватке, чтобы раз и навсегда покончить со скелхами и даровать право на жизнь самым разнообразным обитателям Галактики...

Андрей Ливадный

Тень Земли

© Ливадный А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Под куполом суспензорной защиты никогда не наступает темнота. Неяркий свет струится отовсюду. Днем он приобретает лазурный оттенок, а ночью становится зеленоватым, таинственным, слегка мерцающим.

Глеб Сергеевич Стужин подошел к окну.

Уже отгорел закат, угасли сполохи в толще силового поля, лишь со стороны строительных площадок и планетарного дока космической верфи, где проходил переоснащение крейсер «Тень Земли», то и дело прорывались зарницы.

Он долго смотрел на строящийся город, затем обернулся.

Рассудок привычно и непринужденно скользил по грани двух пространств: реального и цифрового. Доклады, отчеты поступали ежеминутно, поток информации, требующей его внимания, не иссякал с окончанием рабочего дня.

Большинство сообщений вызывали у Глеба Сергеевича спокойное, уверенное чувство полного контроля над ситуацией, хорошо и вовремя проделанной работы, но некоторые откровенно раздражали, вливали в душу яд сомнений, напоминая о зреющих, словно нарыв, противоречиях между жителями анклава и тиберианцами.

А ведь сегодня – особенный день.

Минуло ровно десять лет с момента, когда отгремел последний бой.

И как назло, утром, за завтраком, его сын – девятилетний Илья, в котором Глеб Сергеевич души не чаял, – вдруг заявил, что мечтает стать тиберианцем!

Что за чушь?! Он же еще ребенок! А их учитель истории – тоже хорош, надо же додуматься: устроил детям экскурсию на боевой крейсер, будто нет ничего более важного и примечательного!

Стужин машинально взглянул на кибстек. Таймер, установленный десять лет назад, отсчитывал последние секунды уходящего дня.

0:00

Все. Теперь они уже не вернуться. Никогда.

А нервы все же сдали. Неконтролируемая вспышка воспоминаний рванула сознание в прошлое: он ощутил себя вжимающимся в простенок, подле исклеванного пулями оконного проема. Снаружи, под прикрытием радиоактивного пепельного тумана, перегруппировывались скелхи – биологические роботы, ударная сила цивилизации Омни. Искусственные бойцы, не знающие ни страха, ни милосердия.

В автомате – последние восемнадцать патронов. Нет ни будущего, ни надежды – ничего.

Это будет помниться до конца жизни, вновь и вновь возвращаться в ночных кошмарах.

Шипящий выкрик на улице. Серые тени, поднявшиеся в атаку. А в небе – волдыри багрянца, рвущие свинцовый полог облаков. Тогда он еще не знал, что это не очередная волна скелхов, а штурмовые носители с борта крейсера «Тень Земли».

«Тиберианцы». Слово каталось в мыслях, скрипело на зубах.

Они появились в последнюю минуту, ударили, словно длань Провидения. От них Стужин узнал, что Омни уничтожены. В тот день он выставил таймер на личном нанокомпе, зная: срок эксплуатации скелхов равняется десяти годам.

И вот их время вышло. По всем раскладам, последние из биороботов вымерли, оставшись без хозяев, без целей существования. Глеб судорожно выдохнул, отгоняя навязчивые воспоминания, но вместо ожидаемой радости в душе и мыслях плескалось неугасшее раздражение. Он машинально вытер выступившие на лбу градины пота.

Хватит! Всему есть предел! Утренняя выходка Ильи переполнила чашу терпения. Я должен решить назревающую проблему, раз и навсегда!

Отвечая на яркие, эмоционально окрашенные мысли, автоматически сработал вживленный модуль технологической телепатии. Стужин внутренне сжался, но не отменил вызов.

– Привет, Глеб, – раздался знакомый голос старого тиберианца.

– Нам надо встретиться, – стараясь, чтобы не дрогнул голос, произнес Стужин. – Лично. Сейчас.

– Хорошо. Ты в администрации? Я подъеду.

– Жду.

* * *

– Зачем звал? – Казимир Торн, пожав руку Глеба, вопросительно приподнял бровь. – Дня тебе мало?

– Хочу поговорить начистоту, – ответил Стужин, жестом предлагая прогуляться пешком.

– Ну, давай попробуем. – Пожилой тиберианец, чуть прихрамывая, свернул в сторону ближайшей аллеи. Она вела к границе защитного периметра.

– Почему не ляжешь на регенерацию? – не зная с чего начать, спросил Глеб Сергеевич. – Ногу-то давно мог бы восстановить.

– Привык к кибернетическому протезу. Да и стар я уже для таких процедур, – буркнул в ответ Казимир. – Глеб, ты не ходи вокруг да около. Говори прямо, что стряслось?

– А сам не понимаешь?! – вмиг сорвался Стужин. Выходит, полночь ничего не изменила? Душа по-прежнему изнывала в мыслях о грядущем.

Глеб не хотел повторения своей судьбы для сына, для всех, кто сейчас был счастлив, имея возможность жить, не думая о войне, не вспоминая о ней. Но стремления тиберианцев нацелены в космос! Они готовят крейсер к дальнему галактическому походу. Разве в сложившейся ситуации можно придумать шаг более опрометчивый и рискованный?

«Нас – горстка, – фанатично твердил про себя Стужин. – Две тысячи семьсот тридцать пять человек, – вот и все Человечество».

Мысли, тревоги – о них. А злоба – она от бессилия.

– Прошло десять лет, – с трудом подавив эмоции, вслух произнес Глеб Сергеевич. – Все, Казимир! Черта пройдена! Твои опасения и предсказания не оправдались!

Торн лишь молча покачал головой в ответ запальчивым высказываниям друга, ставшего непримиримым оппонентом.

Стужин по-своему истолковал скупой жест тиберианца, вспылил:

– Да пойми же ты, жизнь только начала налаживаться! – Он вдруг резко остановился, неожиданно схватил Казимира за грудки, выдохнул в лицо: – Скажи, зачем?! Зачем ты сбиваешь с толка детей, подростков?! Что еще за «система рейтингов»? Какие еще «испытания»? Хочешь вырастить из них солдат?! Задурить головы?! Мало тебе ресурсов, отданных на модернизацию крейсера?! Хотите отправиться в космос?! Навстречу гибели?! Ну так не держит никто!

– Слюной на меня не брызгай! – Казимир с силой оттолкнул Глеба. – Вдохни глубоко и успокойся!

– Да спокоен я!

– Не похоже. Пошли, что застыл?

– Куда? – Аллея, на которой разыгралась эта сцена, упиралась в периметр суспензорного поля.

Торн не ответил, пошел навстречу зеленоватому сиянию, мысленным приказом активировал нанобы. «Умные» нановолокна, из которых изготавливалась одежда, отреагировали мгновенно, сформировали элементы защитной экипировки, похожей на эластичный, но легкий, не стесняющий движения скафандр, с мягким шлемом и устройством фильтрации воздуха в виде дыхательной маски.

Волей-неволей, а Глебу пришлось последовать за ним, и вскоре очертания города потонули в зеленоватой дымке.

Над испепеленной ядерными ударами Землей кружила ночь.

Благодаря многолетней работе станции боевого терраформирования класса «Эдем» небо постепенно очистилось от непроницаемого полога облачности, но панорама, открывшаяся взгляду, по-прежнему оставалась мрачной. Лунный свет и бесчисленные россыпи звезд лишь обостряли восприятие

Вокруг, куда ни глянь, высились опаленные остовы небоскребов, уступами карабкающиеся ввысь. На немногих сохранившихся дорогах виднелись зловещие контуры боевых машин – они патрулировали местность под управлением тиберианцев.

– Вот настоящая реальность, Глеб, – глухо произнес Казимир. – А это, – он обернулся, жестом указав на сияние купола суспензорной защиты, – всего лишь клочок созданной тобой Утопии. Выстоит ли она, оставаясь беззащитной?

– Не шантажируй меня!

– И не собирался. Задал простой вопрос, на который у тебя нет ответа. Надеешься на «авось»? На милость судьбы? – Торн криво усмехнулся. – Хочешь, чтобы я снял периметр? Поднял «Тень Земли» в космос? Увел тиберианцев, дабы не смущать никого «опасными идеями»?

Глеб смертельно побледнел. Как минимум раз в сутки на подступах к городу происходили короткие схватки. После проигранной людьми войны на планете осталось бесчисленное количество реликтовой техники, давно вышедшей из-под контроля.

– Я хочу мира и возрождения! Понимаешь?! Зачем нам космические программы? Многие тиберианцы выразили желание навсегда остаться на Земле! – запальчиво напомнил он. – В смешанных семьях родились дети!

– И заметь, я никого не пытался удержать в рядах экипажа, – глядя в темную даль, невозмутимо ответил Торн. – Не сходи с ума, Глеб. Однобокое развитие ведет в тупик, к гибели. Ты говоришь, нас мало? Недавно вернулись разведывательные корабли, отправленные мной к периферии Солнечной системы. На орбите Юпитера обнаружены пустующие криогенные платформы. Есть мнение, что колония Альбиона была не единственной. Выжить могли многие. Их надо искать. Кроме того, скелхи на допросах упоминали о планете, где Омни создали небольшое человеческое поселение. Только мужчины. Они воевали на стороне «Владык космоса» а в награду получали клонированных младенцев...[1 - Подробнее о колонии Джорга и судьбе последнего резерва с борта криогенных платформ в изданной ранее повести «Бремя Воина».]

– Да, я в курсе, – сухо ответил Стужин.

Казимир долго, пристально смотрел на звезды.

– Мы должны вновь выйти в глубокий космос, исследовать ближайшие звездные системы, понять, в каком окружении находимся. Искать выжившие анклавы людей. – Он сделал еще одну попытку убедить Стужина: – Пойми, Глеб, если новые поколения вырастут под куполом суспензорной защиты, в тепличных условиях создаваемой тобой утопии, то мы заведомо проиграем.

– Тиберианцы вольны поступать как решили! У тебя некомплект экипажа? Но я ведь знаю, крейсер адаптирован под управление искусственными

интеллектами! – воскликнул Стужин.

– Это плохая идея, – отрезал Казимир.

– Да, но иных вариантов у тебя не будет! – Эмоции окончательно утопили здравый смысл. – Я так тебе скажу: угрозы больше нет! Вокруг Земли на сотни световых лет мертвый, выжженный скелхами космос! И я не позволю тебе изуродовать психику целого поколения, понял?! Не позволю!

– Интересно как? – сухо спросил тиберианец.

– Завтра я подниму вопрос о едином пути развития! У города должен остаться только один руководитель! Так больше не может продолжаться!

– Выборы? – Кривая усмешка исказила черты тиберианца.

– Да! И я их выиграю! Войны и крови было достаточно! Это понимает каждый. Я спрошу у родителей, какой судьбы они хотят своим детям. Ну? Почему замолчал?

– Время покажет, кто из нас прав. – Торн уже понял: разговаривать с Глебом, убеждать его в чем-то – пустая трата времени. Но эта Земля стала для него не просто пристанищем, относительно спокойной гаванью, куда на время зашел крейсер после смертельно опасного, вычерпавшего все ресурсы прыжка между Вселенными. Нет. Он незаметно врос в нее корнями. Здесь родился его внук.

Мог ли он сейчас взять ситуацию под свой контроль?

Безусловно. При помощи силы.

Казимир не первый день наблюдал за развитием кризиса отношений между уроженцами Земли и тиберианцами, видел наметившийся раскол, понимал истоки и последствия возникшей проблемы. Так что решение уже созрело. И оно было тяжелым.

Глава 1. Земля. Пятнадцать лет спустя. Дикие территории. В двухстах километрах от города.

Ночь выдалась теплой и тихой.

В небе сияли знакомые узоры созвездий, перечеркнутые искрящимся знаком бесконечности.

Стемнело быстро, но Илья Стужин не замедлил шаг, уверенно поднимаясь по склону холма. Старая, уже порядком заросшая дорога, проложенная много лет назад одним из планетопреобразующих роботизированных комплексов, вела в нужном ему направлении.

Молодой человек выглядел усталым. Его легкая, запыленная, кое-где испачканная едким соком растений экипировка носила следы многочисленных ремонтов. По мере восхождения растительность начала редеть, и он снял дыхательную маску, намереваясь заменить фильтры, как только отыщется подходящее место для привала. Теперь Илья полагался лишь на метаболический имплант, но зато ощутил прохладу: ласковый ночной ветерок коснулся лица.

Дорога петляла, огибая крупные, выступающие из-под земли глыбы желтоватого стеклобетона, а вскоре привела его на обширный выступ, обрамленный невысокими руинами.

Он подошел к краю обрыва. Внизу лежал пройденный путь. Рельеф был сложным. В расположении холмов, оврагов и сереющих во тьме утесов взгляд машинально выделял характерные для мегаполиса структуры.

Да, пятьдесят лет назад тут возвышался один из крупнейших центров урбанизации Земли, уничтоженный во время войны с фокарсианами.

Расширитель сознания сформировал перед мысленным взором Ильи Стужина гибридную модель местности. Кое-где на фон зеленоватых контуров полуразрушенных зданий накладывались всплески сложных нитевидных структур. Так человеческий рассудок визуализировал сигнатуры – энергетические матрицы живых существ, а также подключенных к источникам питания устройств различных типов и предназначений. Некоторые

энергетические отпечатки принадлежали автономным кибернетическим механизмам – последние выделялись наиболее четко за счет работы встроенных мини-реакторов.

Пристальное сканирование не выявило в ближайших окрестностях чего-то потенциально опасного или примечательного, разве что возвышающиеся неподалеку руины комплекса орбитальных гравифтоов ненадолго привлекли внимание, но интерес к ним быстро угас: подъем на высоту пятисот метров, где располагалась единственная уцелевшая лепестковая платформа, в планы Ильи не входил.

Личная наносеть автоматически суммировала данные, поступающие от датчиков имплантов, записывая непрерывный файл сканирования, и Илья воспользовался мысленным интерфейсом управления, чтобы просмотреть результат. Мало ли что могло ускользнуть от внимания?

Активные навигационные маркеры обнаружить не удалось, значит, поблизости нет ни археологических экспедиций, ни мобильных групп тиберианцев. За день он отыскал, обследовал и нанес на карту места дислокации двух довоенных роботизированных комплексов: один отвечал за коммунальные системы разрушенного мегаквартала, второй когда-то обслуживал транспортные коммуникации. Оба находились в коме энергосберегающего режима. находка невыдающаяся, но полезная.

«Так, а что у нас с заражением?» – Он привычно переключился между группами датчиков.

Индикаторы уровня загрязнений подрагивали в желтой зоне, лишь столбик биологической опасности временами подкрашивало оранжевым.

«Сойдет», – рассудил он, выбрал место для отдыха, присел. Ноги гудели. Еще бы. Километров двадцать пять отмахал за день.

Илья сделал несколько экономных глотков воды из фляги. Ужин пришлось ограничить приемом пищевой капсулы – охотиться и готовить еду ему определенно не хотелось, пройденный отрезок маршрута вымотал до предела моральной и физической усталости. Приходилось постоянно оставаться начеку, сказывалось близкое соседство сети старых военных баз. Техника там совсем

«одичала». Сервы, что встречались на пути, вели себя крайне агрессивно из-за недавней неудачной попытки взлома их командной сети.

* * *

Звезды над головой сияли ярко, призывно. Безоблачное небо выглядело бездонным.

Илья расположился на отдых у основания невысокой иззубренной стены, на относительно чистом пятачке, лишенном растительности. После полного опасностей знойного дня спартанские условия для ночлега воспринимались как благо, хотя многие жители современной Земли сочли бы их ужасными, неприемлемыми.

Он лишь пожал плечами в ответ проскользнувшему раздраженным мыслию. Недавняя ссора с отцом не давала покоя, как бы он ни пытался махнуть на нее рукой, забыть.

Яркая точка появилась у горизонта, поднялась невысоко, двигаясь быстро, изредка теряясь за холмами. По параметрам орбиты Стужин безошибочно определил: это станция боевого терраформирования «Эдем».

Илья с детства мечтал о путешествиях к далеким мирам, исследовании космоса. Он хотел соприкоснуться с тайнами исчезнувших цивилизаций, увидеть иные солнечные системы, но не каждый может стать членом экипажа крейсера «Тень Земли». Подобное право нужно заслужить, раскрыть свои способности, отточить навыки выживания, доказать пригодность к участию в дальнем космическом походе, чем он, собственно, и занимался, совмещая тренировки с полезными изысканиями.

Над руинами мегаквартала, похожего на небольшой горный хребет, показался красноватый краешек полной луны. Ее восход был стремителен, не прошло и нескольких минут, как Стужин увидел лик ночного светила, спрятанный под вуалью облака серебристых пылинок. Так выглядели обломки тысяч космических кораблей, оставшихся после вторжения фокарсиан и битвы за Землю.

Где-то там сейчас Герда – юная, амбициозная, желанная. Пестует искусственные интеллекты.

По лицу молодого человека, стирая напряженное выражение, скользнула легкая мечтательная улыбка. Да, он был романтиком. В отличие от большинства сверстников, редко покидающих современный город, Илья избрал трудный путь, пошел наперекор воле отца, покинул созданную им утопию, но ни о чем не жалел, проявляя завидное упорство в достижении поставленной цели. Есть лишь два способа войти в состав основного экипажа крейсера. Либо ты родился тиберианцем, либо должен стать им – мысли теперь текли спокойно, расширитель сознания и связанные с ним датчики перешли в фоновый режим, не мешая человеку, не вторгаясь в его внутренний мир, но забирая часть ресурсов организма.

Сами по себе импланты – всего лишь узкоспециализированные устройства. Да и объединяющая их личная наносеть, построенная на базе колонии микромашин, не делает из человека сверхсущество. Требуются годы упорных, рискованных и изнурительных тренировок, чтобы рассудок адаптировался к несвойственным способам восприятия окружающего мира, получил возможность мгновенно распознавать сигнатуры, брать под контроль прямого управления кибернетические механизмы, как современные, так и реликтовые, сохранившиеся еще со времен войны...

...Едва уловимый шорох прервал размышления, мгновенно привлек внимание, хотя внешне Илья оставался невозмутимым, расслабленным. На его лице не дрогнул ни один мускул, взгляд не метнулся по сторонам, лишь пальцы правой руки, привычно осязающие волокончатый приклад стрелкового комплекса, слегка сжались.

Мгновенное сканирование не выявило конкретного источника угрозы, но в глубине диких, неисследованных территорий опасности подстерегают на каждом шагу. После битвы за Землю родная планета, испепеленная ядерными ударами, надолго превратилась в радиоактивную пустошь. Люди вернулись в Солнечную систему лишь три десятилетия назад, однако, как выяснилось, фокарсиане – насекомоподобные существа, чьи технологии основаны на генной инженерии, – не только выжили среди руин человеческих городов, но и сумели организовать небольшие очаговые поселения.

Об их истинной численности можно лишь догадываться. Большинство регионов планеты до сих пор не изучены, а неожиданный сбой в процессах терраформирования многократно усложнил повторную колонизацию прародины.

Мысли промелькнули как фон. Внимание Ильи сосредоточилось на двух направлениях, откуда, как он полагал, могла исходить опасность.

Распределение ресурсов нейросети между несколькими потоками приема и обработки данных – задача нелегкая, доступная далеко не каждому, но Стужин овладел этим навыком в совершенстве.

Тихо и пусто по сфере сканирования. Он сформировал вокруг себя цифровое пространство, воспринимая каждую эманацию энергий, но внятного ответа так и не получил, словно настороживший его шорох и вторящее ему интуитивное предчувствие близкой опасности – лишь следствие усталости, и не более того.

Ветерок окончательно стих, красновато-призрачный лунный свет лег на землю неровными полосами, между которыми в тени руин гнездилась тьма.

Древовидные лианы карабкались ввысь, густо оплетая полуразрушенные остовы высотных зданий. Их молодые побеги тянулись друг к другу, стремясь образовать сплошной многоуровневый, непроницаемый полог.

Кое-где плетистым растениям удавалось перекинуться на соседние постройки, образуя живописные висячие мосты. Илья по личному опыту знал, что за плотной завесой листвы внутри зданий царит влажный, липнущий испариной к телу сумрак – идеальная среда обитания для фокарсиан.

Их генетически сконструированные бойцы – ашанги – крайне опасны. Они выносливы, стремительны, да к тому же далеко не глупы. Быстро учатся, используя любую возможность повысить свою боевую эффективность. За примерами далеко ходить не надо. Природным вооружением разумных насекомых являются так называемые бионические автоматы. Они представляют собой ряды дыхательных трубок, расположенных под защитой подвижных хитиновых покровов, и выстреливают тонкие, отравленные токсином иглы. Так вот, когда люди вернулись на Землю и приступили к процессам терраформирования, первые стычки с фокарсианами показали, что иглы не пробивают тяжелую броню тиберианцев. В ту пору казалось, что полное

истребление чужих – лишь вопрос ближайшего времени, но ашанги быстро наловчились использовать трофейное оружие, восстановив тем самым паритет сил...

Импланты вошли в форсированный режим. Анализ данных не прекращался ни на миг. Стужин не верил обманчивой тишине и оказался прав: расширитель сознания вылепил из тьмы нечеткие, размытые силуэты.

«О, фрайг!..» – Илья невольно вздрогнул, различив с десятков крадущихся фигур. Его мысленный взор скользнул выше и дальше, обнаружив еще две многочисленные группы противника.

Ашанги двигались будто тени, используя обычную тактику: они окружали человека, чтобы нанести неожиданный смертельный удар с выгодной для себя позиции. Из-за кажущейся медлительности движений их способность к мимикрии возрастала в разы.

Настоящие призраки, которых не заметишь вплоть до рокового момента!

Одинокое облако закрыло луну. Мгновенно сгустилась тьма. Где-то неподалеку раздался протяжный заунывный вой: стая диких собак вышла на ночную охоту, своим появлением окончательно смахнув вкрадчивые, едва уловимые звуки, издаваемые фокарсианами, но Илья уже зафиксировал цели и четко удерживал их в поле цифрового восприятия.

Метаболический имплант и усилитель рефлексов (его Стужин установил с дальним прицелом, собираясь стать пилотом) вслед за расширителем сознания вошли в форсированный режим. Единственным источником энергии для всех типов вживленных кибернетических модулей являлся организм человека. На доли секунд пришло резкое головокружение, но это нормально, рассудок быстро прояснился, теперь четкость восприятия стала кристальной, а вот ситуация оставалась отчаянной.

Не все фокарсиане спускались по сплетениям лиан. Четверо затаились на верхних этажах ближайших полуразрушенных зданий.

Снайперы. Причем с трофейным оружием!

Враг явно перестраховывался. Недавно тиберианцы совершили рейд, серьезно потрепали насекомых, выжгли полтора десятка их поселений, уничтожили с полсотни инкубаторов. При этом они выманивали ашангов из зарослей, используя модернизированных андроидов в качестве наживки. Те изображали одиноких путников, а затем поспешно ретировались – так удалось значительно уменьшить число противников, прежде чем началась зачистка густо заросших мутировавшей растительностью руин.

Насекомые усвоили болезненный урок и теперь не спешили. Если человек один, то ему уже нипочем не вырваться, ну а если это очередная ловушка, то снайперы на господствующих «высотках» да группы боевых особей, затаившихся чуть ниже, подле удобных растительных спусков, отыграются за недавние поражения.

В общем, влип Илья капитально. Вовремя не распознал приближающейся угрозы, устраиваясь на ночлег, не выпустил МаРЗы, экономя ресурс разведывательных зондов. Короче, расслабился!..

А кольцо уже замкнулось. Сейчас по сфере сканирования пестрело с полсотни маркеров, и их количество продолжало прирастать!

При таком неравенстве сил открытая площадка не давала Илье никаких преимуществ. Оборонять позицию бессмысленно. Надо прорываться, но куда? До ближайших густо оплетенных растительностью зданий метров сто вверх по склону. Вступить в переговоры? Попытаться снять снайперов? Варианты приходили на ум и отпадали один за другим. Вообще-то ашанги некоммуникабельны. «Снайперов-то снять успею, – лихорадочно соображал он, – но остальные фокарсиане мигом рванут в атаку. С таким количеством бойцов не справлюсь, тут и моделировать ситуацию нечего...»

Сердце билось все чаще.

Остается лишь один путь: рывком к обрыву и вниз по отвесной стене. Такого они наверняка не ждут. Избранное направление прикрыто слабо. На пути лишь пятеро ашангов, да еще два снайпера держат под прицелом вставший на ребро, трещиноватый фрагмент перекрытия городского уровня, рухнувший еще при орбитальных ударах. До края образованного им обрыва метров тридцать. Да, это единственный вариант. Сбросить фантом-генераторы, отвлечь внимание,

выиграть несколько секунд, а там, внизу, уже посмотрим, кто кого...

* * *

Ашанги умеют быть осторожными и скрытными, но, атакуя, они полностью меняются. Стремительные, неумолимые, бесстрашные, эти твари, генетически ориентированные на убийство, не знают ни страха, ни пощады.

Илья наблюдал за их приближением, ничем не выдавая готовности к схватке. Напротив, он вел себя нарочито беспечно: вновь отцепил от пояса флягу, при этом незаметно, как бы невзначай, уронил в пыль капсулу с микроустройствами. Убедившись, что те активировались, он сделал глоток воды.

Первый из фокарсиан уже находился метрах в двадцати пяти от него.

В горле мгновенно пересохло. Хотелось пить еще.

«Им нужен пленный. Иначе бы давно застрелили». – Илья задавил эмоции, пристегнул флягу к поясу, уселся поудобнее, делая вид, что собирается вздремнуть.

Ашанги неплохо изучили людей. Расслабленные движения жертвы не вызвали у них подозрений.

Стрелковый комплекс «Гроза» Стужин положил на колени. Вполне естественно для путешественника, оказавшегося в глубине диких территорий.

Расширитель сознания вышел на пик быстрогодействия. Сейчас Илья волевым усилием задействовал и контролировал порядка семидесяти процентов ресурса собственного мозга, превысив безопасный для психики порог.

Науке хорошо известно, на что способен человек в ситуациях смертельной опасности. Миллиарды лет эволюции заложили в нас дремлющие способности к кратковременному проявлению недюжинной силы и скорости реакции, несвойственной в повседневной жизни остроты восприятия. Многие пережившие подобное состояние сохраняют устойчивое воспоминание об эффекте субъективного «замедления времени».

Корпорация «Генотип» шагнула дальше, разработав боевые метаболические комплексы, подключив их к расширителю сознания через центральную нервную систему человека. В теории форсированный режим работы имплантов полностью контролируем, но на практике лишь немногие способны поддерживать его осознанно, особенно в течение длительного времени.

Илья еще не поднатерел в экстремальном использовании своих потенциальных возможностей. Непроизвольная дрожь рванула ознобом, испариной; выброс метаболитов оказался слишком мощным, энергия мгновенно переполнила мышцы, требуя разрядить ее в немедленном действии, но для работы системы неявного прицеливания нужен холодный рассудок и твердая рука...

Фокарсиане ринулись в атаку.

На пути ашангов внезапно взметнулась стена разрывов. Пять микроскопических устройств, успев переместиться на заданные позиции, разорвались, выкосив опасно приблизившихся тварей. Сипло резанули две очереди, вслед им сработали фантом-генераторы. При правильных настройках они легко вводили в заблуждение фокарсианских бойцов, чье восприятие смещено в инфракрасный диапазон.

Под прикрытием ложных целей Илья ринулся к обрыву. Двоих снайперов он снял, а оставшиеся ему пока не угрожали. Выжившие ашанги замешкались: внезапное появление десятка «людей» привело их к мысли о засаде – недавние события заставляли так думать, и они мгновенно рассредоточились по доступным укрытиям, в то время как Стужин достиг края рухнувшего перекрытия, зацепил карабин троса за кусок ржавой арматуры и уже спускался по отвесной растрескавшейся стеклобетонной стене.

Пятьдесят метров вниз, отталкиваясь ногами, едва придерживая устройство скольжения, которое начало дымиться на последних мгновениях стремительного спуска, и сразу же – рывок, освободивший фиксаторы карабина.

Тихий гул механизма экипировки, автоматически сматывающего трос, резанул по натянутым нервам, но его заглушили иные звуки: дробный перестук выстрелов, разрозненные разрывы – сигнатуры маскирующих устройств гасли одна за другой, еще немного – и ашанги поймут, как жестко их провел человек.

Илья бегом припустил к ближайшим руинам, где фоновое тепло, обилие металла и густая растительность надежно скроют его от обнаружения, заскочил в полуразрушенное здание, сгоряча отмахнулся от хищной разновидности лиан, потянувшихся к нему из тьмы, и вжался в простенок подле просевшего, перекосившегося дверного проема, напряженно внимая показаниям имплантов.

В неярком лунном свете на краю обрыва появились фокарсиане.

«Преследовать не станут». Эмоции захлестнули вихрем, сердце билось часто, дыхание рвалось.

«Надо выходить из форс-режима... Долго не продержусь, опыта мало, да и незачем...» Последняя мысль вдруг резко поблекла, словно выцвела: он заметил, что ашанги один за другим начали стремительно спускаться вниз!

«Вот же привязались, твари!» – Илья не выдержал и открыл огонь из гущи растений, целясь по показаниям датчиков.

Султанчики белесой пыли вырвало из отвесной стены. Трое фокарсиан полетели вниз, четверо успешно продолжали спуск, наверху показались новые силуэты бойцов, вдруг издалека ударили снайперы с двух «высоток», используя крупнокалиберные импульсные системы вооружений.

Стену над головой пробило навывлет. Лианы, подбиравшиеся сзади, отпрянули, помещение наполнилось едкой гарью. Стеклобетон, испаренный попаданием, превратился в частички сажи. Илью контузило, на миг погасло сознание, он пошатнулся, но устоял на ногах.

«Фрайг!...»

Сзади обвал, тупик. Впереди враг. В стороны от входа уводят глубокие извилистые овраги, петляющие между оплывшими холмами руин. Неподалеку протекает речушка, в низинах сыро, изредка в старых воронках попадают озера темной затхлой воды. Местность Илья изучил неплохо и, к своей досаде, понимал: надежных укрытий тут нет, а единственный заметный издалека ориентир – комплекс орбитального лифта.

«Там, кстати... и держать оборону удобно!..» После полученной контузии мутью накатывала дурнота, подташнивало, окружающие предметы внезапно теряли четкость очертаний. «Только не тормози... двигай... направо...» – постегивал себя Стужин, страшась вновь потерять сознание.

Выскочив наружу, он едва не столкнулся с ашангом, рефлекторно полоснул очередь, еще один фокарсианин атаковал его сбоку – стремительная тень метнулась наперерез, сбила с ног, сипло ударил «бионик», но ничего, экипировка выдержала, да и иглы прыснули неточно, лишь одна задела вскользь, оставив едкий, разящий токсином грязновато-зеленый след на легкой композитной броне.

Он встретил врага ударом ноги. Фокарсианин попался на удивление хлипкий. Его не окрепший после недавней линьки хитин треснул, брызнула кровь.

Илья вскочил, подобрал оброненную «Грозу», пошатываясь, отбежал от места схватки за первый поворот оврага. Если б не ограничения, накладываемые тиберианцами на экипировку и вооружение испытуемых, он бы встретил ашангов почти на равных!

Невдалеке ударили выстрелы, взвыла стая диких псов, затрещали ветви, а он, переведя дух, побежал дальше, на ходу восстанавливая работу засбоившего после контузии расширителя сознания, считая нечеткие мерцающие маркеры, обозначавшие обнаруженных фокарсиан.

Те сцепились со стаей голодных диких собак, что немного задержало преследование, но все равно дело дрянь. За ним в погоню пустились с полсотни чужих. Есть ли засады на пути – неизвестно.

Он бежал, не оглядываясь, не пытаясь остановиться и дать отпор. Подходящих позиций Стужин не видел, а умирать молодым не собирался. «Доберусь до башен гравифтофов... там узкие тоннели... уравниют шансы», – лихорадочно проносилось в голове.

* * *

До комплекса орбитального лифта Илья добрался едва живой. На протяжении трех километров пути ему дважды приходилось вступать в короткие перестрелки с преследователями. Ашанги упорно пытались его нагнать, пользовались в основном «биониками», из трофейного оружия целили только по ногам.

На экипировке уже не осталось живого места. Композитные пластины, вшитые в ткань, посеколо иглами, лохмотья легкого камуфлированного бронекombineзона цеплялись за колючки низкорослого кустарника, осложняя и без того нелегкий бег по руинам.

Фильтры в дыхательной маске он поменять не успел, и метаболический имплант буквально выжигал силы, нейтрализуя смертельное воздействие токсинов, игнорируя последствия контузии, а они проявлялись все сильнее, резче.

Оврагов стало больше. Бывшие улицы будто ручейки вливались в широкий разлом проспекта. Кое-где на высоту в десять-пятнадцать этажей вздымались здания, некоторые вырывались еще выше, но все равно казались приземистыми, незначительными на фоне дюжины башен, образующих плотный кольцевой периметр.

Проспект начал ветвиться. В лунном свете многочисленные дорожные развязки выглядели как творения скульптора-сюрреалиста. В большинстве обрушенные, фрагментарные, они закручивались разорванными спиралями, тянулись к многоуровневым парковкам, но не доставали до них, щерились огрызками арматуры, постанывали на ветру, издавая протяжные скрежещущие звуки.

На паркингах теснились ржавые корпуса машин. До войны миллион человек в сутки пользовались услугами орбитального лифта.

Илья бежал из последних сил. Кровь глухо пульсировала в висках. Ашанги уверенно сокращали дистанцию, он сумел оторваться от них едва ли на сотню метров, но теперь шаг за шагом терял и это минимальное преимущество.

Расширитель по-прежнему сбоил. Антигравитационные шахты, в прошлом доставлявшие пассажиров до уровня первой посадочной площадки, то расцветали в ночи огненными прожилками сигнатур, то вдруг темнели, обретая материальность обветренного, покрытого разводами минеральных солей,

местами потрескавшегося, опаленного давними взрывами стеклобетона.

Остаточная энергоактивность в цепях питания никакого оптимизма не внушала. Комплекс, конечно, строили на века, многие аварийные подсистемы функционируют до сих пор, но толку-то от них?

Заметив хорошо сохранившийся путепровод, Стужин резко свернул, задыхаясь, с надрывом миновал два витка «серпантина», чувствуя усилившуюся резь в груди.

Очередной приступ тошноты и головокружения заставил остановиться. Присев под защитой массивного, но невысокого ограждения, покрытого амортизирующим пенопластиком, он взглянул вниз.

Фокарсиане уже совсем близко. Вон их силуэты мелькают между нагромождениями мятых сгоревших флайкаров.

Зрение плыло. Реальность теряла очертания, но внезапное включение расширителя, сопровождаемое острой вспышкой головной боли, прояснило рассудок.

Стужин поймал этот миг, прицелился. Длинная очередь вспорола сумрак, фигуры внизу заматались, двое фокарсиан остались корчиться в грязи, остальные ответили на огонь, стреляя из-за укрытий. Странно они себя вели.

Вокруг засвистели иглы, несколько пуль вырвали куски массивного поребрика, резанув горячей бетонной крошкой.

Струйка крови из рассеченной щеки обожгла, заставила опомниться. Надо уходить глубже... Он вновь дал очередь, теперь уже не высываясь, для остратки.

Беглый взгляд по сторонам. Короткий отрезок путепровода плавно изгибался, вливался в темный зев тоннеля.

Какой-то из технических входов? А не все ли теперь равно? Он припустил бегом, стараясь держаться центра широкого дорожного полотна, в мертвой зоне для находившихся ниже фокарсиан.

* * *

Только оказавшись внутри башни, Стужин понял, что сам себя загнал в ловушку. Метрах в десяти от массивных, открытых на половину хода ворот произошел обвал. Плотнo спрессованные обломки стеклобетона наглухо запечатали тоннель.

Две двери располагались в стене у самого входа. Обе закрыты.

Он оглянулся. Аشانги уже во всю прыть неслись по короткому отрезку путепровода, но огня не открывали, даже «биониками» не воспользовались.

«Живым не дамся...»

Илья отстрелял по ним остаток патронов в магазине, резко рванулся к ближайшей двери, ударил в нее плечом, и та вдруг глухо завибрировала, открываясь. Мощный механизм, поддерживающий массивную бронеплиту, кто-то регулярно обслуживал. Не иначе технический серв, переживший десятилетия забвения? Ну точно! За невысоким порогом обнаружилось небольшое помещение, плавно расширяющееся входом в вертикальную шахту грузового гравелифта. В глубине дымчатой облицовки стен тлели россыпи алых индикаторов.

Он на бегу перезарядил стрелковый комплекс, одновременно считывая данные, поступающие от аварийных автоматических подсистем.

Недопустимо низкий заряд накопителей. Отчет о произведенном ремонте. Список требуемых запасных частей – автоматика обращалась к человеку, надеясь на его помощь, но куда там...

Сервомеханизмов он не заметил. Все технические ниши открыты. Наверное, рыщут в других башнях, выискивая замену вышедшим из строя узлам.

Илья заскочил в шахту гравелифта, вжался в закругляющийся простенок, с надеждой взглянул вверх. Тускло, прерывисто светились некоторые секции ускорителей и гравикомпенсаторов. Похоже, оборудование исправно процентов на семьдесят. Нет энергии.

Фрайг, что же делать?!

Выглянув наружу, он не заметил фокарсиан, те еще не успели ворваться в пультовый отсек, наверное, затаились у входа, готовясь к атаке, понимая, человеку теперь уж точно не ускользнуть!

Отчаянная мысль пришла в голову. Нет!.. Слишком рискованно! Разорвет ведь в клочья!..

А какие варианты? Через пару минут меня нашпигуют иглами с нейротоксином, парализующим мышцы, и возьмут живым. В ходе недавнего рейда тиберианцы отбили у чужих одного пленника. Стужин видел отчет в сети. Фокарсиане использовали человека как подопытного, отработывая на нем формулы новых токсинов.

«Уж лучше рискнуть, чем попасть в лапы к тварям!»

Он выщелкнул из креплений на поясе две энергоячейки. Слот для элементов аварийного питания располагался при входе в вертикальную шахту. Восстановить подачу энергии – дело нескольких секунд, но примет ли система приказ на включение гравиффта?

Держа вход под прицелом, Стужин попятился, вновь оказавшись внутри шахты.

Индикация в глубине полупрозрачной облицовки начала меняться, и в этот миг ашанги ворвались внутрь.

Илья похолодел. Внутри все сжалось. Стрелять нельзя, риск задеть аппаратуру слишком велик!

Он отдал мнемоническую команду. Незримая сила рванула его вверх. Последнее, что запомнил Стужин перед внезапной потерей сознания, были взрывающиеся кольца ускорителей и тела фокарсиан, разорванные неадекватной работой гравикомпенсаторов.

Это происходило далеко внизу...

* * *

Мглистый, но теплый вечер окутал землю.

Илья очнулся, резко привстал. Воспоминания о пережитом накатили и схлынули, оставив чувство неопределенности и железистый привкус во рту.

Импланты работали без сбоев. Ощущались слабость и головокружение. Он уже понял: прошли почти сутки с момента потери сознания. Система поддержания жизни не позволила ему очнуться прежде, чем были устранены последствия контузии и отравления токсинами. Синяки, ссадины, порезы и ожоги не в счет.

Он осмотрелся.

Тела трех фокарсиан, выброшенные вслед за ним на промежуточную площадку, валялись поодаль. Мертвы. Из горловины грузовой гравишахты все еще выталкивало едкий дым.

Вокруг простиралась захватывающая дух панорама. Волею обстоятельств он оказался на такой высоте, откуда обычные небоскребы (а их в окрестностях уцелело немало) выглядели маленькими.

Промежуточная площадка орбитального лифта имела форму пяти лепестков. В центре располагался огрызок срезанного сверхмощным лазером силового набора. Основную конструкцию рассекло и обрушило, вокруг высились огарки сателлитов, попавших под плазменные удары, да лохматилось сложное плетение прочных тросов. Некоторые, раскачиваясь под порывами ветра, скребли по выгоревшему остову аэрокосмического истребителя. Чуть дальше виднелись надстройки батарей противокосмической обороны, а уже за их периметром располагались обтекаемые каплевидные вздутия грузовых и пассажирских терминалов. Все разрушены в той или иной степени. Некоторые лишились облицовки и выглядели как скелеты.

Раньше площадки защищали энергетические купола, но теперь их эмиттеры не работали. Уцелевшие конструкции мелко вибрировали под постоянным напором ветра. Монотонное подвывание воздушных потоков создавало гнетущую обстановку.

Ветер внезапно усилился. Особенно мощный его порыв заставил комплекс двенадцати башен содрогнуться, взъерошил непрочно сидящую в креплениях обшивку одного из куполов, высек из нее резкий скрежещущий звук, приподнял, вырвал и закрутил в потоке трапециевидный сегмент – тот, вращаясь, пролетел над головой Ильи и врезался в ближайшую надстройку локационной системы.

Задерживаться на открытом месте опасно. Стужин защелкнул карабин страховки за сохранившее прочностью переплетение балок, снова осмотрелся, сопротивляясь напору ветра.

«Спуститься с такой высоты проблематично», – подумал он, собираясь добраться до грузопассажирских терминалов. Там должны быть аварийные лестницы для эвакуации, на случай отказа автоматических систем.

Близился закат. У горизонта виднелся грозовой фронт, но небо над комплексом оставалось безоблачным. Первые шаги дались с трудом, однако ветер понемногу начал утихать, его порывы стали слабее.

Илья мог поступить двояко. Нарушить правила, подключить все компоненты личной наносети либо найти способ спуститься, остаться на маршруте.

Он сканировал частоты связи. Снаряжение для полевого выхода Стужин получал на базе тиберианцев. В его кибстек установили довольно примитивную версию коммуникатора, снабдили оружием, легкой броней, средствами защиты, а заодно установили ограничители работы имплантов.

Илья давно не задавал недоуменных вопросов. Планета, откуда родом экипаж «Тени Земли», расположена в глубинах гиперкосмоса. Там вообще не работают кибернетические устройства.

Щелкнул модуль связи. С высоты удалось засечь навигационные маркеры двух патрулей, но с призывами о помощи он повременил.

Вслух, конечно, никто ничего не скажет, вышлют флайбот, эвакуируют без проблем, но рейтинг понизят, маршрут не зачтут, а значит, заветная мечта станет чуть дальше.

Нет, после всего пережитого такой финал его категорически не устраивал. К тому же дух исследователя дал о себе знать. Илья не слышал, чтобы кто-то поднимался сюда за последние десятилетия. Устройства орбитального лифта считались нефункциональными. Уцелевшую промежуточную платформу бегло осмотрели лет тридцать тому назад. Конструкцию признали ненадежной, не подлежащей ремонту. Здесь установили генераторы посадочного луча для орбитальных челноков и систему датчиков контроля местности, но аппаратура не проработала и недели – ее уничтожил ураганный ветер.

Больше попыток использовать самую высокую постройку города никто не предпринимал. Башня постепенно ветшала, роняя обломки при каждом урагане, но вопреки прогнозам она не обрушилась, по-прежнему служила надежным, заметным издали ориентиром.

Используя трос, поглядывая по сторонам, сопротивляясь порывам ветра, Илья добрался до входа в ближайший терминал, проник внутрь, отдышался.

Здесь тоже ощущались вибрации, лучи закатного солнца врывались в огромное помещение через пробоины и сорванные сегменты обшивки. Большинство незакрепленных предметов скопилось в северной части, образуя оплывшие груды мусора. Он переключился на гибридное восприятие, продолжая запись файла сканирования – неоспоримого доказательства, что он побывал тут.

Перед мысленным взором, накладываясь на обычное для человека восприятие, вспыхивали контуры и схемы. Среди поломанной мебели, обрывков одежды, испорченных водой и радиацией багажных кофров попадались кибернетические устройства, части механизмов, ремонтные сервомодули.

«А это что?! – Он остановился, не поверив показаниям датчиков. – Да быть такого не может! Андроид?! Но как же его пропустили тиберианцы при осмотре башни?!»

Насколько знал Илья, человекоподобные машины выпускались ограниченными сериями перед самым началом войны. Наделенные псевдоинтеллектом, они использовались исключительно корпорациями. Андроидам прочили перспективное будущее в колониях, но экспансивное стремление людей к звездам перечеркнул конфликт с фокарсианами, закончившийся взаимным уничтожением двух цивилизаций.

* * *

Ошеломляющая находка!

Наследие корпораций – главная ценность современного мира. Технологии предвоенной эпохи уникальны, неповторимы!

По башне вновь прокатилась неожиданная вибрация. «Жутковато тут». Илья на всякий случай заново закрепил страховку и принялся разбирать обломки.

Куски оплавленного пластика, ржавь всякая, уже не похожее на одежду тряпье, желтоватая кость – ее он бережно отложил особняком – и снова бесформенные комья, в которые превратилась ручная кладь, оплавленный кибстек... ага, а вот и нога в растрескавшемся ботинке.

Андройды носили униформу корпораций. Внешне их было трудно отличить от людей. Сейчас от слишком быстрого, нетерпеливого движения ботинок рассыпался, ткань одежды расползлась, пеноплоть, давно утратившая свои свойства, раскрошилась в желтоватую труху. Тускло блеснул не подверженный коррозии металл эндоостова, туго оплетенный тягами сервоприводов.

«Голень? Ну, точно...» – Илья ухватился поудобнее, потянул изо всех сил.

Холмик слежавшегося мусора зашевелился, неохотно отпуская человекоподобную машину.

Да уж. Радиация, кислотные дожди и агрессивный пепельный туман, о котором Илья только слышал, сделали свое дело. Нетленные, как принято считать, материалы разрушались под их воздействием очень быстро.

Тянуть стало легче. Находка поддавалась усилиям, неожиданно освободилась, а горка различных останков, потревоженная грубым воздействием, развалилась, раскатываясь по всему полу отдельными предметами. От удара неожиданно включился личный нанокомп давно погибшего пассажира, и в воздухе появились нечеткие голограммы – вереница объемных изображений, щемящие душу воспоминания о чьей-то оборвавшейся полвека назад жизни. Кибстек истратил последние эрги и отключился.

Андроид выглядел паршиво. Весь переломанный, странно скрученный, с неестественно вывернутыми конечностями, покрытый осклизлыми ошметками искусственной кожи. Его лицо потрескалось, из-под лопнувшей пеноплоти торчали серебристые прожилки мимических приводов да белоснежно скалились зубы.

В правой руке он сжимал желтоватые фаланги человеческих пальцев.

Вот тут Илью внезапно проняло. Нахлынули запоздалые, бесконтрольные эмоции, словно жизнь брала мзду за проявленное при стычке с фокарсианами хладнокровие.

Он несколько минут сидел, глядя на дрожащие кончики собственных пальцев. События последних суток прокручивались в сознании с бешеной скоростью, чередой вспышечных образов.

Как близка была смерть. Едва разминулся с ней...

Илья отправлялся в дебри диких территорий не в погоне за адреналином и не ради убийств, мотивом которых была бы слепая ненависть к чужим. Нет, он просто шел к своей мечте о космосе, постепенно начиная воспринимать руины городов как обыденный ландшафт, а свидетельства былого классифицировать по признакам полезности, не примеряя на себя судьбу сгинувших поколений.

А вот пришлось. Жизнь в такие моменты исправляла некоторые деформации сознания, полученные вместе с имплантами, нашептывая: «Ты не бессмертен и мог остаться там, в дебрях, гниющим под проливными дождями. Так, может быть, прав был отец и стоит задуматься над его словами? Нужно ли нам следовать идеям тиберианцев, рискуя жизнью, рваться в космос? Разве не оттуда пришли фокарсиане? Разве мало у нас дел на Земле?»

Он тряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли.

Прав отец или нет – покажет время. Стужин-младший вновь оттолкнул проблему выбора жизненного пути, привычно загнал ее в сумеречный чулан сомнений. Пусть посидит. А у него есть дела поважнее! Илья оттащил эндоостов андроида в защищенный от порывов ветра закуток древнего терминала. Уже окончательно

стемнело, и он машинальным мысленным усилием переключился между способами восприятия.

Магнитные метки не сохранились. А вот на очищенных от налета грязи деталях читалась маркировка корпорации «Генотип»!

Чипы целы. Долгосрочная память человекоподобной машины вполне могла сохранить какие-то важные сведения!

Подключать питание к ядру системы он не рискнул, страшась уничтожить данные. Глупо надеяться, что «операционка» заработает адекватно. Илья поступил иначе: по одному извлекал микрочипы из гнезд и тестировал их в защищенном режиме, с помощью своего кибстека.

Процесс занял много времени и поначалу не принес результатов. Файлы, как, впрочем, и подозревал Илья, оказались сильно повреждены. На их восстановление в полевых условиях рассчитывать нечего. Один за другим он складывал протестированные носители информации в кармашек экипировки, затем ему неожиданно попался чип, содержащий сведения о последнем маршруте человекоподобного робота.

Взглянув на довоенную электронную карту, с нанесенными навигационными метками, Илья почувствовал непроизвольную дрожь.

Андроид был приписан к сорок второму убежищу корпорации! Именно оттуда он начал движение в роковой для человечества день!

Ценность неожиданно полученной информации сложно переоценить. Сорок второе убежище искали на протяжении десятилетий. Сохранившиеся архивы не указывали его местоположения. В них лишь упоминалось, что засекреченные комплексы лабораторий были оснащены уникальными, не имеющими аналогов прототипами оборудования, предназначенного для исследований в области генной инженерии.

Довоенные разработки одной из ведущих корпораций Земли могли исправить собой в программах терраформирования, уничтожить бескрайние, агрессивные к человеку заросли, вернуть планету на путь возрождения. Мысли проносились вихрем, пока он накладывал полученные навигационные отметки на

современные карты местности.

Бункерная зона располагалась неподалеку, в какой-то сотне километров от полуразрушенного комплекса, где сейчас находился Илья!

Первый порыв – подключить модуль технологической телепатии, сообщить о находке – угас. «Нет. Я сам найду вход в подземные лаборатории и исследую их!»

Оставалось решить два вопроса: как спуститься с пятисотметровой высоты и добраться до известных теперь координат?

Пешком, в потрепанной экипировке – не вариант совершенно.

Решение нашлось быстро. Подсознательно оно зрело с момента получения данных.

Илья коснулся сенсора коммуникации на кибстеке. Все сомнения исчезли. Перед ним открылась возможность, выпадающая раз в жизни, и то далеко не каждому!

Глава 2. Прошлое... За пятнадцать лет до описанных выше событий...

Дети на Земле взрослеют рано. Причина тому – имплантация модуля технологической телепатии и связанной с ним личной наносети. Расширитель сознания, без которого невозможно влиться в современную жизнь, устанавливается ребенку сразу после рождения. До пяти лет наниты развиваются в режиме фоновой интеграции, затем сеть активируется. Процесс протекает постепенно, бережно, но даже такое, строго лимитированное использование наномашин перестраивает рассудок, меняет психологию, открывает уникальные возможности для познания мира, но крадет детство в привычном для нас понимании этого слова.

Однако иначе нельзя. Личная наносеть – это компромисс между двумя крайностями. Мир высочайших технологий предлагает человеку выбор: либо стать потребителем благ, производимых машинами, никак не влияя на процесс

развития техносферы, либо получить власть над технологическим наследием цивилизации.

Ключом ко второму пути служат глубокие знания во многих областях науки и способности, выходящие за рамки обычной для человека сенсорики.

Без базовой имплантации невозможно управлять кибернетическими системами, интегрироваться в их сети, контролировать техническую эволюцию, направлять ее, осуществлять полеты к звездам.

К семи годам личная наносеть ребенка выходит на пятьдесят процентов расчетной мощности. К тринадцатилетию каждый подросток завершает второй этап образования и должен выбрать дальнейшую специализацию.

Илья Стужин определился в девять лет.

Стремление, впоследствии ставшее смыслом жизни, зародилось неожиданно. Так часто бывает у детей и подростков: однажды полученное незабываемое впечатление врезается в рассудок, меняет судьбу.

Для него все началось с необычной экскурсии.

* * *

Орбитальный челнок медленно вплыл в огромный вакуумный док крейсера.

Здесь царило абсолютное безмолвие. Свет габаритных и предупреждающих огней скупо очерчивал контуры причальных конструкций.

Дети притихли. Даже на частоте технологической телепатии воцарилась глухая тишина.

Пришелец из иных миров.

Единственный в своем роде, совершенно не похожий на современные космические корабли, крейсер «Тень Земли» внушал детям невольный трепет,

оторопь, поражая воображение размерами, необычной клиновидной формой корпуса, массивными, несокрушимыми на вид надстройками, множеством непонятных систем и механизмов, не вписывающихся в рамки знакомой техносферы, да и темный след его истории, которую не пытались скрыть тиберианцы, окутывал корабль зловещим ореолом[2 - История крейсера «Тень Земли» подробно раскрыта в романах «Дабог», «Сон разума», «Изоляция».]

Андрей Владимирович Волошин, преподаватель истории и основ мироздания, включил внешнее освещение, чтобы дети могли увидеть наполнение вакуумного дока. Крейсер «Тень Земли» в ту пору находился в стапеле, и он решил воспользоваться уникальной возможностью, организовать экскурсию с минимальным привлечением технологий виртуальной реальности.

Что может быть важнее, чем осязаемое соприкосновение с частицей собственной истории, без знания которой трудно усвоить основы мироздания, понять: как же цивилизации, достигшие небывалых технологических высот, сумели воздействовать на природу космоса?

С тиберианцами он договорился без каких-либо проблем. Те предоставили допуск в некоторые отсеки крейсера и необходимое оборудование.

Свет, источаемый обшивкой челнока, выхватил из мрака огромную палубу. Мощные механизмы удерживали в захватах тяжелые штурмовые носители класса «Нибелунг». Вдоль борта виднелись затворы стартовых электромагнитных катапульт. Подле них на специальных площадках в цепких креплениях из ферм обслуживания замерли шеренги аэрокосмических истребителей «Фантом» и тяжелых гиперсферных штурмовиков «Валькирия».

Челночный корабль сманеврировал, мягко коснулся посадочной плиты, отстрелил эмиттеры суспензорного поля, и вскоре неярко зеленое сияние образовало полусферический купол, от которого к ближайшему шлюзу протянулся сотканный из энергий рукав герметичного перехода.

Мальчишки и девчонки гурьбой высыпали наружу.

– Мы находимся в вакуумном доке крейсера. – Волошин сознательно не воспользовался модулем технологической телепатии, позволяя детям ощутить эмоциональную атмосферу окружающего.

– Андрей Владимирович, а почему он такой огромный и непонятный? – с удивлением спросил Дэн Коллинз – щуплый, постоянно озирающий по сторонам подросток, самый старший среди группы. – И куда подевались мои настройки интерфейса? – озадаченно добавил он.

Действительно, перед мысленными взорами мальчишек и девчонок появились пиктограммы, несвойственные для привычного мнемонического восприятия. Одна докладывала об ограничении уровня их доступа, вторая недвусмысленно намекала на отсутствие какого-то специализированного модуля адаптации, который не могли сформировать наниты.

– Здесь, наверное, сеть неисправна? – предположил Илья Стужин.

– Ты чего, совсем глупый? – воскликнула Герда Майлер – симпатичная, но очень вредная и заносчивая девчонка. – Это же корабль тиберианцев! Они никому не открывают доступ, только своим!

– Крейсер «Тень Земли» построен в другой Вселенной, – пояснил Волошин. – Ему больше полутора тысяч лет, и потому существует проблема совместимости его оборудования с нашими наносетями. Это стало причиной для начала реконструкции. После ее завершения «Тень Земли» объединит в себе достижения двух человечеств. Но не будем забегать вперед. Вы многое узнаете по ходу нашего урока. Здесь, – он обвел широким жестом пространство вакуумного дока, – абсолютное царство машин. Глобальная кибернетическая система корабля состоит из миллионов узлов, и каждый может работать в автономном режиме, выполняя свою задачу. Вы понимаете, о чем я говорю?

Дети охотно закивали, ведь их готовили к управлению техносферой, но... тут все выглядело слишком необычно и даже чуждо!

– А почему здесь так пусто и тихо? Правда, что ИскИны тиберианцев очень злые? А нас пустят на главный мостик? – посыпались вопросы.

– Нам разрешено посетить несколько палуб и резервный боевой пост, а также использовать информаторий, – терпеливо отвечал учитель. – В этом доке еще не начиналась модернизация, и поэтому вся техника законсервирована. Что касается искусственных интеллектов крейсера, вы познакомитесь с ними в

старших классах, – это очень сложная, но увлекательная тема. – Он обернулся. – Так, Верхолин Максим, а куда это ты собрался? – Волошин заметил, что один из его подопечных направился к ближайшему десантно-штурмовому модулю, потрясенно рассматривая реликт из иной Вселенной.

В глазах мальчишки отражался немой восторг.

Тот день изменил многие судьбы.

* * *

Система гравитационных лифтов быстро доставила ребят и их учителя в резервный пост управления крейсера «Тень Земли».

Здесь ярко сияли голографические экраны, образующие сферу. Отсек располагался в сердце корабля, под защитой многих палуб, и напоминал древний амфитеатр. Вниз сбегали уступы боевых постов. Сложные, массивные механизмы образовали конструкции противоперегрузочных ложементов.

Пилотажные кресла с широкими подлокотниками и высокими спинками, казалось, предназначены для великанов.

– Они рассчитаны под габариты человека, облаченного в боевой скафандр, – пояснил Волошин. – Сейчас мы используем энергетические системы защиты от вакуума, но раньше, во время давней войны, люди носили специальную бронированную экипировку, оснащенную сервомускулами.

Дети вели себя настороженно. Им все казалось непривычным, чуждым. Необъяснимая робость овладела ребятами. Слова учителя отдавались в огромном помещении гулким эхом. Сумрак едва разгоняли сиротливые сигналы резерва на многочисленных консолях управления.

Их личные наносети по-прежнему были ограничены в функциях. Интерфейс прямого мысленного общения заблокирован. Такой урок ломал все привычное, вызывал растерянность.

– Нам нечего бояться. – Учитель хорошо понимал состояние ребят.

– Андрей Владимирович, тут холодно, – пожаловалась Герда. – Почему мы не загрузили урок через импланты? – капризно спросила она.

– Так было бы неправильно. – Волошин мысленно соединился с модулем жизнеобеспечения, но все параметры оказались в норме. «Нервная дрожь? Не слишком ли я увлекся детьми?»

– Пойдемте. – Он увлек класс за собой, на гравиплатформу. Она доставила их вниз.

– Раньше, полтора века назад, когда наши предки только изобрели гиперпривод и начали путешествовать к другим звездам, ученые думали, что понимают устройство Вселенной, – продолжил Волошин, обратив внимание учеников на сформировавшуюся трехмерную модель. В центре информационного пространства пылала яркая, режущая взгляд точка. От нее, словно спицы колеса, расходилось пять огненных линий. – Вы ведь знаете, что такое гиперкосмос?

– Да, да, мы проходили, уже давно! – раздались голоса.

– Наши предки считали Вселенную уникальной. Они путешествовали между ближайшими системами Галактики, совершая короткие прыжки. Никто в то время не мог увидеть истинных структур мироздания. Таких приборов еще не существовало, а импланты и сети наномашин являлись областью научной фантастики.

– А как же мы их видим теперь? – Илья Стужин указал на единственный показавшийся знакомым прибор. – Это ведь масс-детектор, да?! – подражая манере взрослого человека, стараясь быть серьезным, сказал он. – Ну, вот же тут показаны все двенадцать энергоуровней гиперкосмоса!

– Это открытие сделано позже, – ответил Волошин. – И заплатить за него пришлось немалую цену... Но задолго до нас... – Он спохватился, обошел нежелательную тему и вернулся к изложению материала: – Задолго до нас в иных мирах развивались и другие цивилизации. Их история свершилась очень давно, однако ее воздействие ощущается до сих пор.

Изображение изменилось. Теперь вниманию детей предстала захватывающая воображение картина: две галактики сталкивались между собой!

– Здесь, в зоне космического бедствия, зародилась и эволюционировала цивилизация логриан. – На фоне галактик появилось изображение двухголового ксеноморфа. Он стоял, опираясь на четыре ногощупальца. Две длинные гибкие шеи были увенчаны змееподобными головами. – На их родной планете, – продолжал учитель, – протекали очень опасные явления. Возникали разрывы метрики пространства и сдвиги времени. Логриане, развиваясь среди локальных катастроф, сумели изучить их природу, не покидая своей планеты, предсказать существование гиперкосмоса и даже построить его модель.

Когда жить на поверхности стало абсолютно невозможно, эти существа превратили родную планету в огромный космический корабль, решив совершить прыжок между галактиками, чтобы вырваться из зоны катаклизма, но Логран – так они называли родной мир – сорвался на вертикаль гиперкосмоса. Вы знаете, как это опасно. Неодолимая сила увлекла их планету к центру мироздания. – Учитель указал на изображение пылающей точки.

– Логриане, так же как наши предки, считали Вселенную единственной, уникальной в своем роде, но они ошиблись! После срыва на вертикаль ксеноморфы оказались в границах двенадцатого энергоуровня гиперкосмоса, о существовании которого даже не подозревали! Пытаясь избежать гибели, они сожгли ядро своей планеты, превратили вещество в энергию, и тогда мощные гипердвигатели смогли вырвать Логран из потока вертикали!

Дети, затаив дыхание, наблюдали, как шар, объятый пламенем, выйдя из границ силовой линии гиперкосмоса, прокладывает себе путь, порождая тем самым пространство и время! Урок был вполне доступен их пониманию – теорию гиперкосмоса преподавали еще в начальной школе.

Илья Стужин неотрывно, будто зачарованный, следил за движением планеты, вслед которой тянулся шлейф новорожденного пространства. После долгой борьбы объятый пламенем шар достиг соседней вертикали, попал в воронку перехода и исчез!

Учитель укрупнил модель двенадцатого энергоуровня.

– Как видите, прыжок Лограна породил нестабильный гипертоннель, объединивший базовые вертикали пяти Вселенных, до этого развивавшихся параллельно, – пояснил он. – Одновременно в структурах гиперкосмоса возникли опаснейшие аномалии, ведь такая взаимосвязь не могла образоваться естественным путем, и ее формирование вызвало множество побочных эффектов! Мы до сих пор в точности не знаем всех подробностей и последствий тех давних событий, но есть информация о цепи внезапных катастроф, потрясших Вселенные. Некоторые цивилизации погибли. Корабли, станции и даже планеты за одно мгновение переместились в пространстве и во времени.

– А как же крейсер тиберианцев прошел через гипертоннель?! – раздались вопросы. – Путь между Вселенными ведь существует до сих пор, да?

– Верно. Нестабильная энергетическая структура навсегда связала пять базовых вертикалей. – Учитель указал на извивающийся, закольцованный разряд. – Экипаж крейсера «Тень Земли» столкнулся во время путешествия с сотнями аномалий, способных вмиг уничтожить корабль, но у тиберианцев не было иного выбора. Их родной мир был захвачен. Они решились на опасный прыжок, пытаясь избежать неминуемой гибели, и в итоге оказались тут, в нашем пространстве...

Девятилетний Илья Стужин слушал учителя, затаив дыхание, пытаясь представить, как бесстрашные тиберианцы боролись со множеством опасностей, – в эти минуты и зародилась его мечта, ставшая впоследствии смыслом жизни. Но многие из ребят вели себя иначе. Максим Верхолин быстро утратил интерес к уроку, его куда больше заинтриговали сложные системы пилотажных кресел, Дэн вообще заскучал, ему хотелось поскорее вернуться домой, в привычную, понятную обстановку, а Герда – вот ведь вредина! – вообще умудрилась незаметно ускользнуть из резервного поста управления!

* * *

Пока Андрей Владимирович Волошин рассказывал ребятам историю цивилизации логриан, девочка заметила тускло освещенный коридор, не запертый опускающейся переборкой.

Ей стало интересно: что же там? Да и урок уже наскучил. Сколько можно слушать эту надоевшую теорию гиперкосмоса? В отличие от старшего

поколения, Герда и ее сверстники воспринимали существование пяти Вселенных как факт очевидный и доказанный, не видели в этом ничего необычного.

За кольцевым уплотнением царил сумрак. Чуть дальше располагалась овальная дверь со светящейся надписью:

«Сектор нейрокибернетики».

При ее приближении преграда неожиданно скользнула в сторону, и Герда не удержалась, вошла внутрь.

«Ну конечно. Как я и думала. Ничего интересного. Обычная лаборатория». – Она обежала взглядом множество вертикально расположенных стендов, явно предназначенных для тестирования каких-то устройств, и уже собиралась идти назад, к учителю и ребятам, пока ее отсутствия никто не заметил, как вдруг в полу открылось небольшое округлое отверстие. Оттуда, под воздействием антигравы, всплыл шар из дымчатого бронепластика. Внутри угадывались очертания непонятных, усеянных кристаллами схем. По ним блуждали робкие огоньки.

Гибкие манипуляторы ближайшего стенда подхватили кристаллосферу, точным движением поместили ее в специальное углубление, подключили стационарное питание.

Все происходило в автоматическом режиме. Людей в лаборатории Герда вообще не заметила.

В объемном мониторе появилось сообщение системы:

«Объект тестирования номер 203.

Модель «Alone».

Найден в Первом Мире, среди обломков штурмовика, сорвавшегося на вертикаль гиперсферы.

Интегрирован в схему управления огнем крейсера «Тень Земли». Поврежден при прохождении кораблем пространственно-временной аномалии.

Отремонтирован с использованием «стерильных» нейрочипов.

Инициализация...»

Последняя надпись мигала в течение нескольких секунд, затем танец огоньков внутри дымчатой сферы ускорился, а неподалеку от Герды, напугав ее, внезапно возник голографический аватар невысокого, остроносого мужчины, с короткой стрижкой и глубоко запавшими глазами. Его щеки и подбородок покрывала неряшливая щетина.

Он осмотрелся в полной растерянности. Его взгляд сочился недоумением, губы беззвучно шевелились, затем до слуха Герды долетел едва слышный, бессвязный шепот:

– Меня подбили... подбили... Система управления повреждена... – Тихий голос звучал неровно, прерывисто, фантом странно дергался, словно пытался работать не существующими в действительности астронавигационными рулями. – Кто-нибудь, помогите!.. Утечка воздуха... Опасность декомпрессии... Ухожу в гиперсферу...

Он вдруг закричал, почти беззвучно, но отчаянно, страшно. Его рот так некрасиво кривился...

Герда хотела убежать, но ноги будто приросли к полу.

Что за жуть тут происходит?

Фантом медленно обернулся, заметил ее.

Немой крик прервался. Черты лица разгладились. Он сделал шаг в направлении Герды, присел на корточки, заглянул в глаза.

Она невольно отшатнулась.

– Не бойся... – Тихий голос вновь заставил оцепенеть. Фантом неотрывно смотрел на нее, словно пытался запомнить каждую черточку лица. – Не бойся... У меня тоже есть дочь... Да... Я помню... Что-то помню...

– Кто ты? – сдавленно спросила Герда.

– Я? – Выражение крайней растерянности, даже испуга исказило лицо фантома. – Я падал... Декомпрессия... Отказ систем... Фрегат «Гекуба». Третий ударный флот Земного Альянса... Я погиб? – внезапно спросил он. – Скажи, я погиб?!

Герде вдруг стало жаль его. Она даже забыла о своем испуге, протянула руку, коснулась голограммы. Привычный жест для современного ребенка, часто имеющего дело с аватарами.

– Не грусти... С тобой все будет хорошо... – уже не так уверенно добавила она.

Голограмма вдруг исказилась и исчезла.

В глубинах контрольного монитора появилась очередная надпись:

«Нейроматрица повторно инициализирована. Зафиксировано возникновение структуры сознания. Отмечено положительное воздействие со стороны человека».

Вот тут Герда наконец взвизгнула и бросилась прочь.

Экскурсия уже подходила к концу. Она успела как раз вовремя. Волошин завершал свое скучное поучительное повествование, а Герда, дрожа, присоединилась к ребятам и, оказавшись рядом с Ильей Стужиным, не смогла удержать переполнявших эмоций, шепнула:

– Их искусственные интеллекты когда-то были людьми, представляешь?!

Настоящее...

Дэн Коллинз проснулся за полночь от тревожного, настойчивого сигнала. Пока он стряхивал остатки глубокого сна, в мыслях промелькнули сообщения:

«Личная наносеть – выход из режима ожидания».

«Модуль технологической телепатии – активирован. Нет пропущенных вызовов».

Он сел в постели, осмотрелся, ориентируясь на необычный звук.

Старинный кибстек, полученный от родителей в подарок на его совершеннолетие, Дэн хранил как редкую вещь среди других раритетов небольшой коллекции.

Сейчас древний нанокомп издавал довольно неприятные, режущие слух трели, призывно сиял искоркой индикации.

«Чья-то глупая шутка?» – промелькнула мысль, но он все же встал, принял настойчиво повторяющийся вызов.

Заработала примитивная система голографического воспроизведения. В объеме тусклой сферы появилось мглистое, нечеткое изображение. Фон странный. Какие-то древние конструкции? Он всматривался в искаженное помехами лицо абонента, пока не узнал его.

– Илья, ты, что ли?! Сколько времени сейчас, знаешь?! До утра не мог подождать со своими приколами?! – Коллинз разозлился.

– Дело есть. – Голос Стужина прозвучал искаженно, хрипло. Сигнал то и дело пропадал, изображение подергивалось рябью, теряло четкость. – Я серьезно, Дэн.

– Ну, выкладывай, – буркнул Коллинз, все еще подозревая какой-то розыгрыш. – Только объясни, ты что нормально через «технотелп» связаться не мог?!

– Нет... – вновь наступила пауза. – ...на маршруте. – Часть слов пропала, и Коллинзу пришлось угадывать смысл произнесенной фразы.

– Подожди секунду. – Он подключился к кибстеку напрямую, через расширитель сознания. Помех сразу стало меньше. Черты Ильи Стужина и некоторые детали общего плана обрели четкость.

– Так лучше? Ты чего такой замученный? – Разговаривая, Дэн налил себе тоника. С Ильей они дружили давно. Вместе мечтали о невероятных космических приключениях, но потом их пути понемногу начали расходиться. Коллинз всерьез занялся биологией, да и суровые условия отбора, предлагаемые тиберианцами, в определенный момент стали напрягать. Конечно, опыт выживания он приобрел, успел побывать в разного рода переделках, но потом остепенился.

Ну действительно, зачем мотаться по диким территориям в убогой экипировке, питаться всякой дрянью, неоправданно рисковать ради нескольких пунктов в повышении придуманного тиберианцами рейтинга?

Он хоть и числился кандидатом в экипаж крейсера «Тень Земли», но уже не верил, что корабль в обозримом будущем покинет парковочные орбиты. Уж слишком затянулась его модернизация.

– Нарвался на фокарсиан, – после некоторой задержки вновь раздался голос Ильи.

– Сам-то цел? Не ранен? – забеспокоился Коллинз. – Помощь нужна?

– Нормально, – отмахнулся Стужин. – Контузило, пришлось поработать в форс-режиме, но, в общем-то, обошлось. Я по другому поводу, Дэн. Сорок второе убежище «Генотипа»! Я нашел его координаты!

– Да ладно! – не поверил Коллинз, но тут же осекся, понимая: Стужин врать не станет. – Извини. Ты где вообще находишься?

– На промежуточной платформе орбитального лифта.

– Ну ни фрайга себе! – удивился Коллинз. – Как ты туда забрался?

– Фокарсиане загнали. Слушай, Дэн, давай к теме. Ты не поверил? Зря. Я тут андроида в куче хлама раскопал. Он был приписан к сорок второй бункерной зоне! Сохранился чип с навигационными данными. Тут недалеко, километров сто в глубь диких территорий!

– Предлагаешь самим туда пойти?

– Молодец, схватываешь! – ответил Стужин.

– Нет, погоди. Помочь тебе – не вопрос. Понимаю, спуститься с такой высоты по лианам радости мало. Но...

– Дэн, ты так и не понял?! Сорок второе убежище! – повторил Стужин. – Ты там спишь или просто не врубаешься?

– Да погоди же, Ильюха! – Коллинз лихорадочно соображал, как отнестись к неожиданному предложению. Отыскать легендарный бункер – это круто, классно, но ведь надо толково оценить сохранность его оборудования, проверить хранилища генетических образцов, да и вообще – голова, если честно, пошла кругом. Учитывая ухудшающуюся с каждым годом экологическую обстановку, такое открытие способно изменить ход истории, уж он-то это понимал!.. И вообще – победителей не судят! Плеснулись эмоции, в нем внезапно выжили авантурные черты характера, когда-то превалировавшие, но постепенно, по мере взросления, задавленные здравым смыслом.

«Илья прав! Надо все проверить! А если убежище затоплено или уничтожено?! Да, но только как туда добраться?! – тут же спросил себя Коллинз. – Из-за постоянной угрозы со стороны фокарсиан и агрессивных форм жизни, расплодившихся в округе, периметр города закрыт. Это сделано в целях безопасности. Стужин-старший, если его сейчас разбудить с такой информацией, рассудит по-своему. Молодежь, как бывает обычно, он побережет. Значит, и меня задвинут на задний план. Будет организована экспедиция...»

– Ну? Определился?

– Слушай, у меня вообще-то есть допуск к ближайшим биостанциям. Выбраться за периметр – в принципе не вопрос, но ведь нам потребуется специальное снаряжение, сервы и как минимум одна боевая машина!

– Лучше две, – ответил Стужин. – Еще нужны бронескафандры, оружие, комплекс разведзондов и запасные источники энергии. Неизвестно, в каком состоянии системы убежища. Да и фокарсиане тут совсем озверели.

– А где взять БПМ? У меня только флай, для коротких полевых выходов.

– С Максом свяжись, – посоветовал Илья. – У него в мастерских всегда есть машины на восстановлении. Да и с остальным снаряжением проблем не возникнет.

– А что, это идея! Можно попробовать! – мгновенно подхватил его мысль Коллинз. – Думаю, Макс не откажется!

– Только действуй по-тихому, с умом. Уговори его, и вместе придумайте причину, чтобы покинуть город, не вызывая подозрений. Сами справимся, не маленькие уже!

– Погоди. – Дэн все еще прокручивал ситуацию. – Руководству вообще ничего не говорим, так?

– Ну а зачем бы я стал тебя будить? – спросил Илья.

– Кстати, а почему связь через кибстек?

– Так надежнее. Сеть «технотелп» лучше пока не использовать.

Коллинз удивленно приподнял бровь. С каких это пор примитивные средства коммуникации стали надежнее, чем модуль технологической телепатии? Однако комментировать ничего не стал, найдя для себя вполне разумное объяснение. Стужин на маршруте и не хочет терять очки в придуманном тиберианцами рейтинге.

– Ладно, договорились. Скинь координаты убежища.

– Нет. Подтягивайтесь к башням орбитального лифта.

- Ты чего, мне не доверяешь?!

- Не тебе, а сети, - поправил его Илья.

- Думаешь, ее контролируют? Тебе отец проговорился, да?

- С отцом я поссорился, - нехотя признался Стужин. - Но, зная его, не удивлюсь, если мои перемещения отслеживают. А может, и переговоры слушают. Из благих намерений, конечно.

- Модуль родительского контроля? - удивился Коллинз. - Ну ты загнул! Когда это было?! До совершеннолетия?

- Все равно, лучше подстраховаться. Пока обойдемся кибстеками, а вдали от города подключим локальную сеть группы.

- Ну, как скажешь. Тебе виднее. В общем - жди, - принял окончательное решение Дэн. - Мне понадобится пара часов, не меньше.

- Договорились. Пройдете периметр - сообщите. А до этого - полное молчание.

Голограмма моргнула, исказилась и истаяла.

* * *

Собрался Коллинз быстро.

Беспокойство Ильи передалось и ему. Глеб Сергеевич - мужик упрямый. Если не побоялся в свое время пойти на конфликт с тиберианцами, обвинить их в умышленной попытке деформировать психику подрастающих поколений, то куда, спрашивается, способна его завести тревога за судьбу сына? Тем более сеть действительно можно контролировать, вот только вслух об этом говорить не принято. Считается, что личная жизнь неприкосновенна, но ведь всегда найдутся оправдания. Например, «забота о безопасности города». Формулировка размытая, но очень удобная.

Придется к Максусу добираться своим ходом. И разговаривать на месте, без свидетелей.

Он потратил пару минут, переконфигурировал наниты, ввел их в защищенный режим, чтобы больше не задаваться безответными, скользкими вопросами.

Расширитель сознания, включившийся в боевой режим, преобразил привычную обстановку. Предметы и устройства теперь мерцали аурами энергоматриц. Коллинз слегка приглушил восприятие, отдал ряд дистанционных команд.

Его одежда серебрилась ртутной каплей на прикроватном столике. Дэн протянул руку, и нанобы скользнули по пальцам, быстро распределились по телу, приняли вид и фактуру плотной ткани.

Связываться с завтраком Коллинз не стал, открыл сейф, взял оттуда три одинаковых уместающихся в ладони капсулы. Одну, с маркировкой «Нанобы боевой модификации», тут же вскрыл, позволяя умным нановолокнам сформировать элементы экипировки, пока что незаметные, как будто растворившиеся в фоне повседневной одежды, две другие сунул в нагрудный карман, придирчиво осмотрелся, но вроде бы ничего не забыл.

Флай ждал его у крыльца. Сбежав по ступенькам, Дэн сел на место водителя, отключил автопилот, взял ручное управление.

Город утопал в зелени. Глубокая ночь кружила над испепеленной Землей, а тут царили зеленоватые сумерки.

Здания не поднимались выше двух этажей. Деревья, кажущиеся вековыми, сонно шелестели листвой, простирая кроны над крышами коттеджей.

Голоса ночных птиц доносились из заповедных уголков города-парка. В воздухе витали ароматы леса, где-то приглушенно играла музыка, иногда раздавался и тут же таял в отдалении сиплый звук работы водородного двигателя.

Казалось, что небольшой город, выстроенный на фундаменте разрушенного мегаквартала, воплотил в себе все самое сокровенное, светлое, трепетное, что сумели пронести немногие выжившие через горнило боев, о чем мечтали, терпя

лишения на иных планетах, в стильных бункерах, под постоянной угрозой окончательного уничтожения рода людского, но в действительности до утопии еще далеко, невольно размышлял Дэн.

Мастерские, где работал Максим Верхолин, располагались на окраине, километрах в тридцати от центра.

Коллинз хорошо знал дорогу. Он любил технику (особенно свой флайкар) и частенько проводил время в компании Макса. Не из-за поломок в машине, а ради ее тюнинга. «Люблю ощущать, что под капотом ворочается зверь», – признавался он, когда хотел произвести впечатление на девчонок, и не кривил душой. Надо отдать должное, многое Дэн доводил до ума своими руками, но до Максима ему, конечно, было далеко. Тот собрал свой первый «флай» из разного послевоенного хлама лет в тринадцать, наверное, Коллинз уже точно не помнил.

Дорога, поднятая над домами и деревьями, резко закрутилась многоуровневой развязкой, нырнула вниз. Зеленоватое сияние защитного поля стало ярче, невдалеке на фоне периметра проступили, но тут же исчезли за кронами деревьев массивные силуэты приземистых построек. Контрольно-пропускной пункт, база РТВ[З - РТВ – робототехнические вооружения.] и два крыла укреплений.

Как ни крути, а отец Ильи, Глеб Сергеевич Стужин, ничего не выиграл от давнего разлада с тиберианцами. Город нуждался в защите, учитывая, что сразу за периметром начинаются руины, охваченные вышедшими из-под контроля процессами терраформинга.

Сначала все шло нормально. Станция боевого терраформирования «Эдем», выпущенная с борта крейсера, приступила к преобразованию планеты еще тридцать лет назад. Небо прародины быстро очистилось от свинцовой облачности, специальные штаммы почвообразующих бактерий нейтрализовали очаги радиоактивного и токсичного заражения, создали условия для быстрого роста особых сортов травянистых растений, а вот дальше все пошло наперекосяк.

Использование генетического материала из другой Вселенной дало неожиданный результат. Произошли многочисленные мутации, первичные экосистемы вдруг начали буйно развиваться, стремительно видоизменяясь, за

считанные дни образуя непроходимые чащобы.

Затем грянула вторая волна мутаций. Оказывается, под нейтрализованным «Эдемом» радиоактивным прахом сохранились семена многих видов существовавших до войны растений, и, попав в благоприятные условия, они стали прорастать. Кроме того, сработала автоматика некоторых хранилищ корпорации «Генотип», созданных на случай войны. Их автономные системы, отметив благоприятное изменение окружающей среды, инициировали встречную программу возрождения Земли.

В итоге синтез двух биосфер оказался откровенно опасным. Начался стихийный виток эволюции невиданных жизненных форм, с которыми теперь приходилось бороться.

Обидно, но среди буйства перерожденной мутациями природы лучше всего себя чувствовали фокарсиане. Лет десять назад о них упоминалось чисто теоретически, мол, выжило несколько сот особей, влачат себе жалкое существование среди руин, наступит время, всех выловим.

Ага. Выловили, как же... Коллинз еще раз свернул направо, теперь вдоль плохо освещенной улицы тянулись утилитарные здания. Фокарсиане на удивление быстро расплодились, не упустив своего шанса. Учитывая, что у разумных насекомых эволюцией выработан механизм генетической памяти и каждая особь при необходимости может воспользоваться суммой знаний предшествующих поколений, дела приняли совсем плохой оборот.

Пришлось Стужину-старшему вновь договариваться с тиберианцами, организовавшими базу километрах в двухстах от города. Те согласились нести службу по охране периметра и прилегающей к нему «зоны безопасности», пока анклав не сформирует парк собственных боевых сервомеханизмов.

Так и потянулось, одно за другим.

Где взять технику, если нет производств? Как создать производства, если людей мало и все в основном заняты в научных областях?

Старинная поговорка, что «машины должны производить другие машины», пока что не работала. Вот и приходилось организовывать экспедиции, искать древние

бункеры, склады, собирать реликтовую технику и ремонтировать ее.

Жизнь понеслась по замкнутому кругу. Островок утопии, окруженный периметром защитного поля, фактически превратился в крепость, находящуюся на осадном положении, но руководство упрямо не хотело признавать действительность.

Но, может быть, теперь все изменится к лучшему? Насколько знал Коллинз, аппаратура сорок второго убежища предназначалась для генетического конструирования новых, не существующих в природе жизненных форм. На довоенной Земле подобные технологии находились под запретом, а исследования в области геной инженерии считались лежащими за гранью этических норм. В силу этих причин корпорация строго засекретила лаборатории, надежно спрятав их от глаз общественности. Кроме уникального оборудования, в глубинах планетарной коры были скрыты хранилища генетического материала и, что самое ценное, – результаты многолетних экспериментов.

Дэн Коллинз в силу своей научной специализации неплохо разбирался в вопросе. «Довоенные разработки дадут нам возможность стереть с лица Земли результаты неудачного терраформирования, – думал он, – раз и навсегда покончить с опасными, возникшими в результате непредсказуемых мутаций экосистемами и начать все заново, но уже на ином качественном уровне».

* * *

За размышлениями время пролетело незаметно.

Мастерская Максима Верхолина представляла собой три ангара с покатыми крышами. Их окружало натуральное технокладбище. Десятки тысяч довоенных машин различных типов и предназначений были свезены сюда со всей округи и складированы под открытым небом, в ожидании своего часа на разборку или ремонт.

Проложенная при строительстве дорога давно исчезла под нагромождениями неисправной техники, и к мастерской теперь вел извилистый проселок, прихотливо петляющий между горами металла.

На небольшой площадке перед входом стояли три недавно отреставрированных механизма. Верхолин в первую очередь занимался восстановлением многоцелевых роботизированных комплексов, оставляя всякую «мелочевку» до лучших времен.

Коллинз нашел свободное место для парковки, вышел из машины и направился к дверям. Они услужливо открылись, когда датчики зафиксировали приближение человека.

Изнутри хлынул яркий свет, пахло сложной смесью запахов озона, нагретого металла и свеженанесенной краски.

– Макс, привет!

Никто не ответил. Из глубин ангара доносилось позвякивание, мимо Коллинза прошмыгнул серв со знакомой царапиной на коже – его Верхолин использовал для разборки других механизмов, когда требовалось найти какую-то запчасть.

– Макс!

– Я же сказал: утром приходите! – раздался усиленный гулким эхом голос. – Раньше не справлюсь, и нечего стоять над душой!

Ясно. Очередной «срочный заказ».

Коллинз пошел в глубины ангара. Прыснувшие по своду и стенам отсветы, сопровождаемые танцем изломанных теней, выдали работу плазменного сварочного аппарата.

Верхолин услышал приближающиеся шаги, оставил работу, недовольно обернулся, но тут же сменил гнев на милость:

– О, Дэн, привет! Тебе-то чего не спится? Небось, с вечеринки припозднился? Решил заглянуть? Или флай опять спалил? Ну, признавайся, гонял? – Он вытер руки, весело сверкнул глазами. – Я же тебя предупреждал, два антиграва – перебор, а три – это уже дурной тон, издевательство над машиной. Спорим, накопитель нагрузки не потянул и ты его спалил, да?

– С флаем как раз полный порядок. – Коллинз пожал мозолистую ладонь Верхолина. Подумалось в этот момент: «Росли вместе, а какими разными стали. Илья в экстремала-одиночку превратился, я в науку ударился, Макс техникой «заболел», Герда вообще странную для девушки стезю выбрала: воспитывает искусственные интеллекты на лунной базе тиберианцев». – Дело есть, – добавил он.

– Ну, выкладывай. Только учти, у меня времени мало. К утру обещал строителям парочку механизмов подлатать.

– За город с ветерком не хочешь прокатиться?

– Ты чего? Сдурел? У меня работы – невпроворот!

– Вот не понимаю я тебя, Макс. – Дэн уселся в потертое пилотажное кресло. – Ты тут вкалываешь сутками. Зачем? Отремонтировал бы сервов, а уж они эти горы быстро бы своротили!

– Действительно не понимаешь, – покачал головой Верхолин. – Инженерия, сервомеханика и кибернетика – это особый вид искусства. Ну, скажи, что могут сервы? Тупо заменить деталь? Которая завтра снова выйдет из строя? Я машины не просто ремонтирую, а изучаю их. Нахожу слабые места. Конструирую. Это же интересно! Захватывает так, что порой времени не замечаешь. А оттянуться, расслабиться мне и пару раз в месяц достаточно.

– Ладно. – Коллинз понял, что зашел не с того фланга. – Илья меня разбудил. Его фокарсиане на башню орбитального лифта загнали. Нужна парочка БПМ и...

– Ты ближе к делу, не юли. – Макс отлично понимал: эвакуировать попавшего в беду друга Дэн смог бы и своими силами. Для этого не нужны боевые планетарные машины.

– Он говорит, что нашел сорок второе убежище корпорации! – выдохнул Коллинз.

В глазах Максима появился заинтересованный блеск.

У Верхолина тоже была сокровенная мечта. Он, так же как и Стужин-младший, грезил космосом, но привлекали его не сами путешествия между звездами, а крейсер «Тень Земли» – неизученный техногенный объект, некая terra incognita.

Так что система рейтингов, введенная тиберианцами, для Макса – не пустой звук. Он и так делал все, чтобы доказать свою незаменимость и однажды воплотить мечту, ступить на техническую палубу крейсера в качестве члена экипажа.

– Илья предложил самим разведать? – уточнил он.

– Угу.

Макс мгновенно загорелся идеей. Опасности пути его совершенно не пугали. Он тут же погрузился в сеть, отдавая мнемонические команды. Из потаенных уголков ангара к двум строительным машинам потянулись ремонтные сервы. Поставив им задачу, Верхолин подмигнул Коллинзу.

Внезапно раздался звук работы хорошо отлаженного водородного двигателя, сопровождаемый скрежетом раздвигаемого металлолома, словно изнутри бесчисленных нагромождений техники выбирался механический зверь, затем в глубинах ангара послышались тихие, слегка повизгивающие звуки, и к выходу, мимо Дэна, прошествовали три тяжелых бронескафандра, оснащенные системами сервоусилителей мускулатуры.

– Неслабо... – удивился Коллинз – Но откуда у тебя такая экипировка?

– Хобби. – Максим задиристо сверкнул глазами. – Кое-что восстанавливаю в свободное время.

Снаружи раздался гул открывающейся ramпы.

– Ну? Чего застыл? Пошли!

На площадке перед ангаром стояли две боевые планетарные машины. Выглядели они потрепанными, но внешнее впечатление обманчиво, Дэн был уверен, что под покрытой подпалинами броней скрыты отрегулированные,

перебранные до винтика системы.

Бронескафандры уже самостоятельно забрались внутрь десантного отсека, раздались характерные щелчки фиксаторов, когда сервоприводные оболочки заняли штатные места.

– Так. – Верхолин полностью перехватил инициативу. – Свой флай паркуй в грузовой отсек. Он нам понадобится, чтобы Илью с башни снять.

– Как мы за город выберемся, не привлекая внимания? – Дэн вдруг занервничал. Две отреставрированные БПМ явно относились к парку боевой техники «Тени Земли». Макс совсем ошалел – тайком от тиберианцев такие машины восстанавливать?

– Не дрейфь. У меня еще пять таких же на ремонте, вполне официально. Сейчас только опознавательные маркеры сменю, и все дела.

– Надеюсь, модули искусственного интеллекта в них не установлены? – Коллинз не хотел выглядеть трусом, но предстоящая вылазка казалась ему все более и более авантюрной.

– Не-а. Мне они неинтересны. У тебя когда запланирован очередной выезд, Дэн?

– Вообще-то послезавтра, – ответил Коллинз.

– Ну и нормально. Скажешь, данные там непонятные с автоматической станции поступили, надо разобраться, решил ехать сегодня.

– А ты типа подбросить меня согласился?

– Угу. У меня круглосуточный пропуск. Режимы-то при тестировании приходится разные гонять. – В интерпретации Верхолина все выглядело просто. Дэн иногда даже завидовал его кажущейся бесшабашности, за которой на самом деле крылись целеустремленность и точное понимание предела собственных возможностей.

– С тиберианцами проблем не возникнет, можешь мне поверить. – Макс открыл люк, полез внутрь кабины управления. Курсовые орудия БПМ заворочались в гофрированных гнездах, резко повернулась, взвизгнув скоростным приводом, зенитная установка, но башня плазмогенератора осталась неподвижной. Верхолин всегда придерживался принципа эргономичности. Зная окрестности, хорошо представляя опасности, с которыми придется столкнуться, он не собирался «палить из пушки по воробьям».

– Ну? Дэн, где ты застрял?

– Иду! – Коллинз забрался внутрь, уселся в кресло.

– Лицо сделай попроще, – беззлобно посоветовал Макс. – И вообще, расслабься. Веди себя естественно.

Ага. Легко сказать.

Дэн пристегнулся, и БПМ рванула с места. Следом последовала вторая – ею тоже управлял Верхолин, через выделенный канал личной наносети. В условиях диких территорий он почему-то патологически не доверял автопилотам.

* * *

Граница между жизнью и смертью.

Стена зеленоватого мерцания приближалась. На панели управления, дублируя доклады, передаваемые через мысленный интерфейс, зажглись пиктограммы, отмечающие встречное сканирование.

Коллинз нервничал и потому свел к минимуму активность наносети. Верхолину его помощь сейчас не требовалась. В объеме голографического экрана идущая под уклон дорога разделялась на три широкие полосы.

Растительности тут становилось меньше, преобладал кустарник, аккуратно подстриженный в виде невысоких живых изгородей. У грузовых терминалов кипела работа. Сервы и стационарные механизмы трудились круглосуточно.

В поле зрения попал патруль тиберианцев. Трое бойцов, облаченных в тяжелые бронескафандры, показались со стороны шлюза и тут же скрылись за массивными дверями склада робототехнических вооружений.

Предшлюзовой накопитель являлся зоной ограниченного доступа. Встречное сканирование усилилось, проверка происходила на уровне обмена данными между имплантами молодых людей, собирающихся покинуть город, и офицером тиберианцев.

Сегодня дежурил Ник Вассари. Его Коллинз знал по многим проверкам. Вообще-то Дэн часто пересекал периметр, но сейчас сжался, подсознательно ожидая неприятностей. Тиберианцев он побаивался и не мог объяснить причину возникающей при общении оторопи. Они всегда смотрели холодно, свысока, говорили мало и неохотно, как бы подчеркивая, усугубляя мгновенно возникающее чувство отчуждения.

«Хотя все субъективно», – наблюдая за Верхолиным, подумал Дэн.

Максим сбросил скорость, теперь машины медленно ползли навстречу уплотняющемуся сиянию.

– Ник, здорово! – Сеть технологической телепатии формировала голоса и образы.

– Взаимно, – буркнул тиберианец. – Куда вдруг собрался на ночь глядя?

– Может, сам догадаешься? – В голосе Макса прозвучала ирония.

Тяжелый взгляд тиберианца на миг оттаял, в нем появилась ответная усмешка.

– Ночной режим гонять будешь?

– Ну, вот видишь, – широко улыбнулся Максим. – Ладно, без шуток, у меня тест на пару сотен километров. Заодно Дэна до биостанции подброшу. Там какой-то сбой в передаче данных. Наверное фокарсиане пакостят. Если что, прикроете?

– Без вопросов, Макс. Держи частоту открытой.

Зеленоватое сияние, образующее защитный купол, расступилось. Избыточное давление в районе энергетического шлюза породило порыв ветра. Беспokoйно зашелестела листва, кроны ближайших деревьев заволновались, роняя мелкие сухие веточки.

БПМ прошли периметр, и реальность мгновенно изменилась, будто в другой мир попали.

Мириады звезд мерцали на угольно-черном небосводе. Красноватая Луна сияла низко над горизонтом. Ее холодный свет выхватывал из тьмы скелетообразные контуры разрушенного мегаполиса. Ближайшие остовы сверхнебоскребов тянулись ввысь. На этажах опаленных зданий таились боевые сервы и были установлены фантом-генераторы, надежно скрывающие зеленоватый свет защитного купола, не позволяя засечь из космоса единственный на Земле очаг возрождающейся цивилизации.

Коллинз коснулся сенсора кибстека. За периметром связь стала намного лучше.

– Илья? Мы прошли. Через час будем у тебя.

– Жду, – пришел лаконичный ответ.

Глава 3. Земля. Дикая территория. В девяноста километрах от разрушенного комплекса орбитального лифта...

Глухая звездная ночь кружила над землей.

Уступы мегакварталов, разрушенные давними орбитальными ударами, плавно сбегали вниз. Их плотно колонизировала растительность, формируя загадочные, коварные пространства, кое-где разрезанные серыми лентами сохранившихся дорог.

Колонна из трех машин поначалу двигалась на приличной скорости. Впереди, сметая мощным лобовым скатом брони изредка попадающиеся на пути обломки, шла БПМ, управляемая Верхолиным, за ней неотступно следовал флай Коллинза,

замыкала движение еще одна планетарная машина, которую теперь контролировал Илья Стужин.

Его эвакуация прошла без осложнений. Используя три антигравы, по поводу которых недавно иронизировал Максим, Дэн быстро справился с задачей, забрал Илью с пятисотметровой высоты, правда, на это ушла вся энергия накопителя. Теперь флай утратил способность к левитации и мог передвигаться только на колесах, но его не стали загонять в грузовой отсек – машина Коллинза выгодно отличалась набором продвинутых биодатчиков и системами подавления агрессивных жизненных форм.

Сформировав локальную сеть группы, они переключились на модули технологической телепатии. Разговаривали о всяких пустяках, даже посмеялись, вспоминая разные курьезные случаи из жизни, но по мере приближения к цели на частотах технологической телепатии воцарилась тишина, теперь нарушаемая лишь лаконичными, относящимися к делу мысленными образами.

Продвижение значительно замедлилось. Если в окрестностях орбитального лифта основные трассы были расчищены тиберианцами, то тут давно уже не ступала нога человека. Мощные неохватные стволы древовидных лиан уходили корнями в недра городских подземелий. Боковые побеги растений, диаметром в метр и более, свивались замысловатыми кольцами, сжимали приподнятое на стеклобетонных опорах дорожное полотно, словно удав жертву.

Руины высотных зданий были похожи на бархатисто-зеленые колонны, устремленные к угольно-черным небесам. Вокруг царила дикая, зловещая, обманчивая красота.

Верхолин, заметив очередное препятствие в виде баррикады из плотно переплетенных между собой одеревеневших стволов, сокрушенно покачал головой, просканировал окрестности и наметил обходной маршрут. Его БПМ свернула на съезд, прорвала тонкую завесь зеленых побегов, через брешь в стене вкатилась в полуразрушенный холл здания и, свернув в нужном направлении, медленно поползла по широкому коридору.

Из проломов в осевшем перекрытии, дверных проемов и многочисленных трещин к машине потянулись плети хищных растений. Индикаторы уровня биологической опасности тут же выбросило в красную зону. Едкий сок стекал по

броню, пузырился, но полимерное покрытие пока держалось.

Продавив стену в конце коридора, боевая машина вновь оказалась на дорожном полотне, среди тесного и темного пространства, сформированного густыми зарослями.

– Дэн, твоя очередь. – Верхолин оценил целесообразность применения плазмогенератора и отказался от опасной затеи. Сжечь тут все – не вопрос, но насколько сильным будет пожар? Как далеко он распространится?

– До цели семь с половиной километров, – раздался голос Коллинза. Его флай медленно объехал головную БПМ и внезапно выбросил струи мутного белесого вещества. – Думаю, прорвемся.

* * *

Несколько минут ничего необычного не происходило. Белесая муть расплзлась облаком, затем вдруг раздался треск: сначала тихий и неуверенный, он становился все громче, ширился, словно некий гигант заплутал в чащобе и теперь ходил кругами.

Внезапно ближайшие сплетения лиан потеряли прочность. Их стволы начали растрескиваться, опасно проседая, вниз посыпалась отслаивающаяся кора, затем взметнулись облачка коричневатого праха.

– Бактерии? – спросил Илья.

– Генетически модифицированный грибок, – ответил Коллинз. – Разрушает древесину за считанные минуты.

– Так почему же с его помощью не уничтожили заросли вокруг города?

– Опасно. Мы не смогли полностью исключить возможность спороношения. Стопроцентной гарантии нет. Да и лианы быстро восстанавливаются. Эта труха образует плодородный почвенный слой. Через недельку тут уже пробьется новая поросль. – Давая пояснения, Коллинз вел свою машину на небольшой скорости, продавливая мощным бампером скорчившиеся заросли, постоянно

распыляя новые порции белесого вещества.

Две БПМ ползли следом.

Вокруг вихрилась органика. Одеревеневшие плети, протянувшиеся от здания к зданию, переламывались под собственным весом, падали вниз. Целые пласты переплетенных между собой растений внезапно отделялись от стен, оползали с громоподобным треском.

Запасов в емкостях флая хватило на шесть километров пути.

– Дэн, притормози. – Илья заметил, что впереди появились просветы, а дорога резко пошла вниз, вливаясь в узкий и мрачный разлом улицы, свободной от вездесущей растительности.

– Подозрительно, – высказал свое мнение Верхолин. Он вывел БПМ вперед, объехав машину Коллинза, остановился на небольшом выступе руин, выпустил разведывательные зонды.

– Приехали, называется, – с досадой прокомментировал поступившие данные Стужин.

Городской уровень постепенно понижался, проседая в виде огромной воронки, а вскоре в поле зрения показался край обрыва. Часть цокольного перекрытия рухнула. Противоположная стена пропасти располагалась в трех с лишним километрах.

Глубоко внизу датчики МаРЗов зафиксировали шум воды, а вскоре стало ясно: среди многотонных обломков петляет порожистая речушка.

– Движение! – нервно вскрикнул Коллинз, заметив две неясные тени, промелькнувшие в глубине улицы.

«Фокарсиане? Нет, непохоже. Люди?!» – Верхолин использовал расширитель сознания, но четкого изображения добиться не смог. Загадочные существа уже исчезли. Датчики зафиксировали лишь смутно очерченные, как будто «размазанные в движении» силуэты человекоподобных фигур.

Это могли быть люди из убежища, расположенного над комплексом лабораторий, или андроиды – Максим склонялся в пользу последнего предположения.

– Ну что, дальше пешком? – спросил Илья, когда три машины остановились недалеко от края обрыва.

– Почему тут нет растительности, Дэн? – Верхолин настороженно осматривался.

– Внизу есть, – ответил Коллинз.

– Я хотел спросить: почему лианы сюда не добрались?

– Понятия не имею. Причин множество. Если в убежище работает автоматика, прилегающие территории могут периодически подвергаться зачистке.

– Такую деятельность заметили бы с орбиты, – высказал сомнение Стужин. – Кстати, Макс, взгляни: что там на свежих снимках?

– Сейчас! – Верхолин использовал свои полномочия, получил данные от сканирующих комплексов «Тени Земли». В силу частых и продолжительных испытаний техники ему предоставили доступ к такого рода информации, помогающей в выборе оптимальных маршрутов.

– Ни фрайга полезного не видно на снимках. – Он транслировал изображения по сети. Обычная воронка, пересеченная разломом. Среди руин разрушенного орбитальными бомбардировками города такие «формы рельефа» не редкость.

С низким вибрирующим гулом открылась рампа. Наружу выбрались три инженерных серва и тут же принялись собирать примитивный по конструкции механический подъемник.

Илья Стужин подошел к краю пропасти взглянул в ее темные глубины, сканируя глубокий разлом.

Множество разорванных трубопроводов и других обветшавших технических коммуникаций пронизывало отвесные стены. Внизу, на глубине пятидесяти

метров, действительно текла стремительная река, питаемая дождевыми водами. Она петляла между крупными обломками рухнувшего перекрытия. На поворотах русла виднелись щебневые отмели.

Коллинз, дольше других возившийся со своим бронескафандром, присоединился к остальным.

– Мы в координатах, откуда начал свой путь андроид, – пробурчал он.

– Хочешь сказать, убежище накрыли прямым попаданием? – Стужин продолжал сканирование.

– А сам не видишь?

– Обычно глубина бункерной зоны достигает сотен метров. А здесь только перекрытие цоколя разорвало.

– Получается, что главный тоннель где-то под нами?

– Да, – кивнул Верхолин. – Но он вряд ли уцелел. Придется искать запасные входы или любой другой способ проникновения. Например – вентиляционные шахты, грузовые лифты, ну, сам должен понимать.

– Будем ждать, пока сервы смонтируют подъемник? – Коллинз постоянно озирался.

– Не-а. – Макс смотрел вниз. – БПМ пока оставим тут. Спустимся на тросах. Что время терять?

* * *

Внизу сгущалась тьма. МаРЗы канули в нее, как в омут.

Верхолин недоуменно переключился между каналами связи, но данных так и не получил. Изображение дна ущелья как-то странно помутилось, потеряло четкость деталей.

Стужин защелкнул на тросе устройство скольжения.

– Я пошел!

Макс хлопнул его по плечу:

– Давай, только осторожно там! Не пойму, куда связь подевалась?

– Разберемся. – Стужин лучше других знал, как неустойчиво работают коммуникационные системы среди руин. Особенно там, где орбитальные удары пробивали бреши в техногенном панцире планеты, напитав радиацией искореженные конструкции.

На этот раз Илья спускался медленно. Телеметрии по-прежнему не было, а вскоре стало понятно почему.

Пепельный туман! Тонкая, почти эфемерная прослойка загадочной субстанции, о которой до этого приходилось лишь слышать, конденсировалась на глубине тридцати метров. Ее подпитывали похожие на дымок струйки, лениво высачивающиеся из трещин в отвесных стенах, разорванных труб и кабельных каналов.

Ниже пространство вновь очистилось, но связь с малыми разведывательными зондами так и не восстановилась. Хорошо, что внутри троса, по которому спускался Стужин, заложено оптоволокно. Древнее изобретение, но в подобных ситуациях незаменимое.

Ноги коснулись тверди. Он осмотрелся. В нескольких метрах от него, огибая валуны, бежала река.

«Интересно, а как же мы видели дно разлома, когда только подъехали к обрыву? Неужели туман сконденсировался всего за несколько минут? А может, он отреагировал на появление разведзондов?»

Существовало мнение, что пепельная субстанция изобретена военными и содержит наночастицы, способные блокировать связь. Так ли это, Илья не знал.

– Мужики, я на месте.

– Что с зондами? – спросил Верхолин.

– Похоже, накрылись. На тридцати метрах прослойка пепельного тумана, – предупредил Илья. – Ждите, я осмотрюсь.

– Ладно, я пока по оптоволокну прогоню тест твоего скафандра, – пришел ответ от Максима.

В кромешной тьме расширитель сознания позволял различать предметы на дистанции в двадцать метров почти как днем, а если переключиться только на датчики, то видимость возрастала в разы, правда, восприятие при этом радикально менялось.

Стужин быстро отыскал разведзонды. Один бестолково кружил над порожистым перекатом, два других дымились на противоположном берегу, среди россыпи крупного щебня. Их обшивка была проедена насквозь.

Верхолин, выслушав неприятную новость, быстро нашел решение:

– Так, используем нанобы. Формируем вторую защитную оболочку поверх бронескафандров. Мало ли, вдруг туман сгустится? – добавил он. – Илья мы спускаемся. Возьму инженерных сервов, пусть топают впереди.

– А как же системы вооружений? – спросил Стужин. Бронескафандром он пользовался редко, а в связке с нанобами – вообще ни разу.

– Наниты адаптируются, не волнуйся. Стеснять движений не будут, гарантирую. – Верхолин уже соскользнул по тросу. – Держи. – Он отцепил страховку, протянул Стужину капсулу с нановолокнами из своего личного запаса.

– Вот ведь дрянь! – выругался Коллинз, завершив спуск.

– Ты о чем? – Верхолин с интересом осматривался.

– Да пепельный туман, будь он неладен! У меня датчики на шлеме отказали! И вообще, откуда он взялся?

– Из подземелий, – невозмутимо пожал плечами Максим.

– Да о нем лет двадцать никто не слышал!

– Ну, значит, тут сохранился. Не нагнетай, ладно?

Дэн обиженно замолчал, задействовал блок резервных сканеров и отвернулся, всматриваясь в темные глубины разлома.

По тросам спустились три инженерных сервомеханизма. Верхолин тут же отправил их вперед, на разведку.

Вскоре начали поступать первые данные, формируя перед мысленными взорами гибридную модель местности. Разлом протянулся неровной линией, уходя к западу на двенадцать километров.

Сервы разошлись в стороны, затем, по указанию Максима, вскарабкались по отвесным стенам, расположились в разных точках, на десять метров ниже границы пепельного тумана.

Теперь почти все пространство пронизывали их сканирующие излучения.

Впечатление от поступающих данных складывалось противоречивое. На первый взгляд – тихо и пусто вокруг. Лишь журчит вода да изредка над вздыбленным рельефом вспыхивают полосы неровного сияния.

– Повышенный радиационный фон, – прокомментировал Максим. – Ничего серьезного.

– А это что? Тоннель? – Коллинз обратил внимание на группу приземистых построек, за которыми виднелась открытая платформа, с несколькими, чудом сохранившимися колоннами, когда-то поддерживавшими рухнувший теперь свод.

– Наверное, станция магнитопровода. – Стужин сверился с картой. – Да, точно!

– Значит, убежище ближе? – предположил Коллинз.

– Или глубже. – Макс упорно искал признаки бункерной зоны, но цокольный этаж сам по себе – бункер. «Придется тщательно осматривать каждый метр поверхности», – пришел он к неутешительному выводу.

– Ну, так пошли к станции, чего стоим? – предложил Дэн, с интересом рассматривая противоположную оконечность разлома. У устья ветки магнитопровода – огромного тоннеля, уводящего в глубины сохранившейся части цоколя, виднелись скопления покореженного, изъеденного коррозией металла. Никаких следов недавней человеческой деятельности.

Река проточила себе глубокое русло. Ее стремительные воды бурлили, вскипали бурунами, перекатывали небольшие камни.

Километрах в полутора начинался разлив. Сотни ручейков, сочащихся из стен, питали мелководное озеро, образовавшееся на месте огромной воронки. В сумраке сканеры машин вычерчивали контуры множества небольших островков.

«В принципе ничего необычного, – подумал Илья. – Вполне заурядные места».

– Разделимся, – предложил Верхолин. – Гурьбой топать нет смысла. Нам бы охватить побольше территории.

– Ладно, – согласился Стужин. – Ты бери левый берег, я правый. Дэн, – он обернулся, – пойдешь к станции. Там осмотрись внимательно. Большинство бункеров имеют выходы в подземку.

Коллинз молча кивнул. Ему было не по себе. Нехорошие предчувствия заставляли нервничать.

* * *

Первым неладное почувствовал Илья.

Он шел вдоль левого берега реки, посматривая по сторонам, изредка подключаясь к сети сервов, скорее в силу привычки, чем по необходимости. Вокруг все выглядело мертвым, статичным. Любую, даже самую слабую, энергетическую активность он заметил бы сразу.

Вот и озеро. Над поверхностью темной воды переливались едва заметные сполохи, воздух струился искажениями, метрах в тридцати от берега угадывались очертания узкого, но длинного острова.

Взглянуть на него поближе, используя импланты, почему-то не удалось, и тогда Илья машинально переключился на более мощные датчики инженерных машин.

Вид несколько не изменился. Хуже того, он заметил, что файл сканирования повторяется!

– Макс?! – Илья машинально отступил за угловатый фрагмент какой-то выпирающей из земли постройки.

– Ну? – мысленный ответ прозвучал невнятно, словно издалека. При использовании модуля технологической телепатии такое качество связи настораживало!

– Найди укрытие, живо! – не терпящим возражений тоном приказал Стужин. – Подключись к сервам! Взгляни, что они тебе транслируют?!

– Позавчерашний день! – спустя некоторое время раздался встревоженный, раздосадованный ответ. – Файл сканирования идет «по кругу»! Слушай, я ни фрайга не понимаю!

– Может, сбой из-за радиации? Что думаешь?

– Да нет... Уровень низкий. Для сервов, при их-то защите, вообще, считай, нулевой.

– Тогда в чем дело?

– Без понятия! – Верхолин невнятно выругался. Отказ техники он всегда воспринимал как личный вызов. – Дистанционно вроде все в порядке. Тест проходят...

– Остров видишь? – Илья транслировал мысленный образ.

– Смутно. Пелена какая-то. Сейчас выпущу МаРЗа, взглянем поближе!

На том берегу реки раздался приглушенный хлопок.

Связь с зондом пропала недалеко от береговой линии. Небольшой сферический аппарат вдруг задымился, потерял управление, с плеском упал в воду.

– Коллинз, ты где?

– У станции.

– Займи позицию и затихни, понял?

– Ладно, а что там у вас происходит?!

– Пока непонятно. Оставайся на связи и по сторонам поглядывай! Макс, займись сервами. Выясни, в чем проблема, ладно?

– А ты?

– Осмотрю остров. Что-то с ним не так!

– Может, там этот пепельный туман? – предположил Коллинз. – А что нам делать, если связь с тобой оборвется?

– Я настроил автопилот скафандра на обратный маршрут. Выберусь. Дэн, ты, главное, держи позицию и не дергайся! Если потребуется – прикроешь! – Илья шагнул в воду.

* * *

Небольшой остров колонизировала неприхотливая к свету растительность. Светло-коричневая поросль прямых, упругих, гибких стволов псевдобамбука образовывала непроходимую чащу, служила опорой нескольким разновидностям хищных лиан, плети которых свисали до самой воды.

Здесь царили густые и влажные сумерки. Восприятие сужалось, непонятная мгла окутывала со всех сторон, словно каждый новый шаг уводил Илью в глубины безвременья.

Внезапно в дальней части острова забрезжила размытая сигнатура! Идентифицировать ее Стужин не смог, но смело предположил, что это и есть источник помех. Возможно, одно из устройств, маскирующих сорок второе убежище корпорации, работает до сих пор?

«А вот и тропа!» – Он с удивлением заметил узкую прямую прореху, явно искусственного происхождения. Ни один зверь не сумел бы пробиться сквозь хищные заросли. Побег псевдобамбука вели себя крайне агрессивно. Они постоянно изгибались, короткими, но сильными ударами испытывали на прочность экипировку Стужина, да и лианы не дремлют, постоянно норовят захлестнуть, обвить, уволочь в чащобу.

Он отмахнулся от особо назойливой плети, присел, внимательно изучая обрубки растений. Тропа проложена при помощи энергетического инструмента? Что, если остров облюбовали довоенные сервы?

– Макс, Дэн, у меня тут явный след технологического воздействия, и еще сигнатура. – Он передал детализированный мысленный образ, но ответа не получил. Глухая тишина окутывала рассудок.

Илья обернулся.

Узкая полоска берега отсюда не просматривалась. Он уже достаточно далеко углубился в чащу.

Беглое сканирование показало повышенное содержание металлов в стеблях мутировавших растений, но вряд ли они способны полностью заблокировать работу модуля технологической телепатии. Исказить данные, создать незначительные помехи – да, такое возможно, но полностью прервать связь? «Нет, тут что-то иное», – думал Илья, решая, как поступить. Вернуться по своим следам? Но до цели всего-то метров двадцать.

«Ладно. Пару минут переживу и без связи. Надо взглянуть, что там».

Лиана цепко ухватила его за локоть и не отпускала добычу, обвивая руку удивительно прочными усиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее о колонии Джорга и судьбе последнего резерва с борта криогенных платформ в изданной ранее повести «Бремя Воина».

2

История крейсера «Тень Земли» подробно раскрыта в романах «Дабог», «Сон разума», «Изоляция».

3

РТВ – робототехнические вооружения.

Купить: https://tellnovel.com/livadnyy_andrey/ten-zemli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)